Заметки о теории накопления Розы Люксембург [1]).

I.

Теория воспроизводства, по замыслу Маркса, должна служить выяснению *формы движения* капиталистического общественного производства. Можно привести достаточное число цитат из второго тома „Капитала" и из „Теорий прибавочной ценности" в подтверждение тому, что именно (и лишь) с точки зрения формы общественного производства ставится Марксом проблема [2]). В чем же, однако, состоит такой—формальный—подход к движению общественного капитала?

Как известно, Маркс построил свой анализ капитализма на строгом разграничении натурально-технических элементов общественного производства от той специфической формы их орга-

---

[1]) Из наиболее цитируемых книг „Капитал" (все тома) цитируется по изданию Гиз'а 1923 г.; „Накопление Капитала" Р. Люксембург—по изданию 21 г.; „Эпигоны"—ее же—по изд. 22 г.; III т. „Теории приб. ценности" Маркса—по изд. „Моск. Раб". („Накопление капитала и кризисы"), 23 год.

Считаем необходимым оговорить также, что цифровой материал по современной капиталистической экономике нам приходилось—при провинциальном бескнижии—черпать из ограниченного числа бывших под рукой работ (подчас специального характера). Единственный статистический сборник, бывший в нашем распоряжении, это издание С. Фалькнера „Мировое хозяйство за время с 1913 по 1921 г.". М. 1922 г.

[2]) Во II томе, см., напр., стр. 327, где предмет исследования—„процесс обращения индивидуальных капиталов, как составных частей всего общественного капитала",—определяется, как „форма процесса воспроизводства". Или стр. 415, где проблема формулируется, как „процесс превращения, совершающийся при годовом воспроизводстве" (на стр. 419 тому же самому дается более конкретное выражение: „Обмен различных элементов годичного воспроизводства"). Или стр. 451, на которой читаем чрезвычайно четкое определение задачи исследования, состоящей в выявлении „способа, каким воспроизводятся и ежегодно возмещаются различные материальные элементы

низации, в которой они выступают в капиталистическом обществе, и которая создает из их сочетания исторически-определенную систему общественного хозяйства. В последней все атомы и все движения производственно-технического организма одухотворены своеобразным общественным бытием, присущим только капиталистической системе и выделяющим ее из всех общественных организаций прошлого и будущего человечества. Каждая составная часть производственного механизма и весь механизм в целом существуют в этой своей исторически-определенной форме. Задача же теоретического изучения капитализма состоит в том, чтобы, размежевав в рассматриваемом экономическом феномене натурально-техническое содержание от капиталистической формы (Formbestimmtheit — по выражению Маркса), выявить как историческую обусловленность последней, так и социальное содержание, так и диалектически-сложную систему взаимодействия капиталистической формы и вещного содержания [1]).

Своеобразие капиталистического способа производства с этой стороны заключается в антагонистическом методе связывания формальной стороны (ценностного характера категорий) с материальным содержанием. Для движения общественных производительных сил этот антагонизм проявляется в расщеплении единой линии процесса надвое: на линию движения общественного богатства в его натуральном содержании и на линию движения ценностного выражения этого богатства. Ценностная линия приобретает самостоятельное существование; при этом как раз она

и элементы стоимости всего годового продукта"... Именно поэтому Маркс уделяет почти все внимание *простому* воспроизводству. „Главные затруднения... представляются при исследовании не накопления, а простого воспроизводства. Вот почему, когда дело касается движения годового продукта общества и его воспроизводства, обслуживаемого обращением, А. Смит и — раньше — Кенэ исходили из простого воспроизводства" (стр. 314).

Из современных марксистов Фини-Енотаевский отчетливо понимал содержание проблемы воспроизводства (см. „Современное хозяйство России". Том. Мотылев, тоже различающий проблемы абстрактного воспроизводства капитала от вопросов реальных условий его воспроизводства, чересчур уж примитивно представляет себе, однако, теоретическое содержание II тома, сводя весь вопрос к расплывчатой формулировке о механизме капиталистического производства. Но и в таком виде подход. тов. Мотылева к теории воспроизводства означает большой шаг вперед в развернувшейся дискуссии.

[1]) Ср. „Капитал", том III, Отд. 7, а также Рубин — „Очерки теории ценности и т. д.", в которых автор детально разработал эту проблему для теории ценности.

является носительницей субъективного, осознанного фактора общественного производства. Что касается объективного, натурального содержания хозяйственного целого, то оно—в капиталистической своей форме—реализуется как совокупность отдельных элементов, одаренных самостоятельной жизнью и движущих общественное хозяйство лишь в меру удовлетворения частного интереса, определяемого и выражаемого ценностной категорией. Сознательное направление общественного хозяйства несовместимо с капиталистической формой, при которой многочисленные индивидуальные и независимые — а подчас и противоречивые — интересы и воли находят свое общественное сочетание на арене рыночной стихии... Но последнее слово принадлежит общественному интересу, форма же состоит на службе у общественного интереса. Функция формы производства заключается в том, чтобы, пользуясь данной техникой, удовлетворить общественные потребности своими, характеризующими ее как *данную* форму, методами. Если частный интерес пойдет вразрез с общественным, капиталистический рынок не примет предложенной ему продукции. Глубокая диалектика капиталистического хозяйственного процесса состоит в том, что та же сила капиталистических законов и принципов, которая высвобождает ценностную форму из-под власти вещного содержания, центробежно сообщая ей самостоятельное движение, одновременно развивает и центростремительную силу, прикрывающую „свободного" капиталиста к скале вещей, подчиняющую его рынку, напоминающую ему о себе кризисами. Но здесь же выступает и основное противоречие капиталистической системы: общественное целое в состоянии координировать свои части и направлять их по нужному руслу лишь post factum, т.-е. лишь после того, как обнаружилось несоответствие ценностной линии индивидуального капитала с материальным интересом общественного хозяйства. Отсюда внутренние конфликты, кризисы и т. д.

Но может ли теория воспроизводства, изучающая форму процесса, брать его в этой сложной взаимозависимости формы и содержания, присущей реальному капитализму? Это вопрос методологии—и только... И совершенно естественно, что Маркс в данном случае применяет метод научной абстракции, тщательно устраняя из сферы анализа один за другим все сопутствующие изучаемому фактору явления. Процесс абстрагирования распространяется при этом по нескольким направлениям.

Прежде всего проблема должна быть освобождена от всех вопросов, связанных с реальным капиталистическим рынком. Рынок— единственный голос натурального содержания общественного хозяйства при капитализме—влияет на работу производственного механизма, ставя ему задачи и регулируя их выполнение, контролируя, корректируя, а подчас и изменяя направление работы. Следует принять все затруднения, возникающие из взаимодействия общественного производственного механизма и рынка, разрешенными для того, чтобы производственный процесс предстал взору исследователя в своем чистом виде. Словом, мы должны брать процесс в гипотетическом случае равновесия, т.-е. в том идеальном для капитализма случае, когда общественная потребность удовлетворена производственным аппаратом на 100%. Нам надлежит рассматривать движение общественных производительных сил при предположении совпадения условий капиталистического производства и условий капиталистической реализации. „Мы должны исследовать здесь только формы капитала в различных фазах его процесса, все время предполагая, что товары продаются по их ценности“ [1]).

Сопоставим эти слова Маркса с критическими соображениями Розы Люксембург. „По схеме (накопления, у Маркса — *Э. Л.*). — говорит она,—между производством прибавочной стоимости и ее реализацией *нет никакого внутреннего противоречия*, напротив того, между ними есть *внутреннее тождество*. Прибавочная стоимость уже заранее появляется здесь на свет в натуральной форме, рассчитанной исключительно только на потребности накопления. Она уже из мест производства выходит как добавочный капитал. Этим дана ее способность к реализации, именно, в стремлении самих капиталистов к накоплению. Эти последние, как класс, наперед заставляют производить присвоенную ими прибавочную стоимость в вещественной форме, которая делает возможным и обусловливает ее применение для дальнейшего накопления. Реализация прибавочной стоимости и ее накопление являются здесь лишь двумя сторонами одного и того же явления: *они в понятии идентичны*“ (курс. наш) [2]). В общем верно формулируя теоретические условия анализа, Роза Люксембург, однако, сгущает краски и в полемическом порыве договаривается до ошибок. Дело не в ма-

---

[1]) К. Маркс.—„Нак. кап.“ (из III тома „Теории прибав. цен.“ М., 23 г.) Стр. 18.—См. там же, стр. 26—27.

[2]) „Нак. кап.“ М., 21 г., стр. 240—241. См. там же, стр. 238.

лейшей мере не идет о тожестве *понятий* условий производства и условий реализации, дело только в абстрактной *предпосылке* их тожества, принимаемой при анализе специальной проблемы. Но для Р. Л. не ясна как мы еще не раз увидим, сама проблема, интересующая Маркса во II томе, и в расхождении методологических предпосылок разрешения этой проблемы с содержанием III тома „Капитала“ (в частности, 15 главы, формулирующей стержневое противоречие капитализма, как противоречие условий производства и условий реализации) Р. Л. усматривает противоречие между вторым и третьим томами „Капитала“. Между тем, если задачей II тома является рассмотрение капиталистической динамики со стороны формы общественного производственного механизма, темой III тома служат—изучение реальной обстановки, в которой капиталистический производственный механизм работает, и вырастающие отсюда противоречивые проблемы. Это изумительное и тяжелое недоразумение лежит в основе всей критической работы Р. Л. и ненужно усложняет аргументацию, выдвигаемую для обоснования основного тезиса—о невозможности накопления в чисто капиталистическом обществе.

Вышеуказанные обвинения Маркса в противоречив, выставляемые Р. Л., невольно приводят на ум аналогичные обвинения, брошенные ему в другое время человеком другого лагеря. Туган-Барановский тоже видел несоответствие между II томом, построенным на отсутствии затруднений реализации, и III томом. Различие между революционной марксисткой и легальным „марксистом“ пролегает из чисто социологических (даже социально-политических) оснований, теоретически же—ошибка имеет один корень у обоих. Различие в том, что Красная Роза принимает III том и отвергает II, как „оборванную на полуслове рукопись“. Туган же считает выводы III тома об имманентных противоречиях капиталистической производственной системы плодом некритического отношения со стороны автора „Капитала“ к прежним экономистам, со схемами же второго тома, в которых ему чудится гармонический капитализм, всецело соглашается [1]).

[1]) См. его „Основы политич. эконом.“, а также „Кризисы“. Впрочем, это пресловутое противоречие, составляющее любопытный pendant к „противоречию“ между I и III томами, имеет свою небезынтересную в социологическом отношении историю. См., напр., ст. Ленина о проблеме реализации, собранные в томе II „Собрания соч.“.

С подобным строем мыслей неразрывно связан почти суеверный страх Р. Л. перед известной формулой „производство ради производства", символизирующей капиталистическое производство. Рассмотрев ход реализации в марксовой схеме накопления, Р. Л. с искренним недоумением, переходящим, впрочем, в решительность, восклицает: „Эти капиталисты являются, стало-быть, фанатиками расширения производства ради производства. Они ведут строить новые машины, чтобы они опять-таки строить новые машины. То, к чему мы таким образом приходим, является не накоплением капитала, а расширяющимся производством средств производства без всякой цели, и только смелости и любви Туган Барановского к парадоксам свойственно принимать эту неустанно вращающуюся в пустом пространстве карусель за верное теоретическое отражение капиталистической деятельности и за выводы из марксова учения" [1]).

Что касается цели этой „карусели", то она совершенно реальна: увеличение стоимости капитала, получение прибыли [2]). Коль скоро при производстве машин для производства новых машин применяются капиталистические методы, т.-е. эксплоатация наемного труда, прибавочная ценность налицо. Но для Р. Л. вопрос стоит в иной плоскости, в плоскости рынка для произведенной прибавочной ценности; она подвергает сомнению возможность ее реализации в рамках марксовых схем. Совершив теоретическое qui pro quo, спутав в один клубок две различные проблемы: капиталистического рынка и формы капиталистического производственного механизма, Р. Л., после тщетных усилий преодолеть возникающие при этом затруднения, решительно утверждает, что Маркс себе противоречит. Маркс же, широко развернувший в 15-й главе III тома вопросы антагонистических условий

---

[1]) „Нак. кап.", стр. 232. Ср. также стр. 229, и особ. стр. 83. Также „Эпигоны".

[2]) Тов. Крицман (См. „Вестник Соц. Акад"., кн. 5) напрасно ищет ошибку Р. Л. в том, что она интересовалась „психологией" отдельного капиталиста, т.-е. его интересом. Не в этом беда Р. Л., а в том, что интерес „собирательного капиталиста" (всего капиталист. об-ва) она считала принципиально отличным от интереса индивидуального капиталиста (см., напр., след. слова Р. Л.: „Конечно, для отдельного капиталиста рабочий—если он платежеспособен—такой же хороший потребитель, т.-е. такой же хороший покупатель его товара, как и капиталист или еще кто-нибудь: в цене товара, который продается рабочему, отдельный капиталист точно также реализует свою приб. стоимость, как и в цене товара, который он продает любому другому покупателю. Иначе обстоит дело с точки зрения класса капиталистов в целом". „Нак. кап.", стр. 83).

капиталистической реализации, на тех же страницах, в тех же абзацах раскрывает своеобразие „методов производства, которые должен применять капиталист ради своих целей и которые направлены к неограниченному увеличению производства — *производству, как самоцели* (курс. наш), к безусловному развитию общественной производительности труда"... „Производство есть только производство для *капитала*, а не наоборот" [1]).

Как видим, здесь для Маркса дело идет об исторически характерной форме, присущей капиталистическому производству, со стороны которой оно и есть не что иное как производство ради производства. Это означает, что механизм капиталистического производства не стоит в непосредственной связи с общественными потребностями, а работает как самодовлеющий аппарат, лишь посредством нарушений нормального течения работы приводимый в соответствие с размерами общественного потребления. Но означает ли это, что капиталистическое производство и в своем натуральном содержании не ограничено рамками общественных потребностей и их способностью к раздвижению? Вовсе не значит!.. Капиталистическое общественное производство есть прежде всего производственная система. В качестве таковой оно существует прежде всего для удовлетворения потребностей членов общества. И когда Туган-Барановскій забывает это основное положение, он смешивает историческую форму современного производства с его материальным содержанием. Смешение и здесь дает иные результаты, чем у Р. Л. Впрочем, Тугана постигает участь несчастного Гамлета, безуспешно ловившего дух отца. В поисках реального, вещного производственного организма, Туган все время натыкается на голую капиталистическую форму, которая, как тень, неотступно преследует его сознание „дюжинного буржуа" и которую он принимает за живое содержание капиталистического производства. Как видим, он еще несчастнее датского принца [2]). Маркс частенько издевался над „буржуазным экономистом, ограниченный мозг которого не в состоянии отличить форму проявления от того, что в ней проявляется". (Капитал, I том.)

---

[1]) „Капитал", т. III, стр. 231.

[2]) Кстати. Именно в этом неумении различать производственный процесс, как таковой, от его исторической Formbestimmtheit мы видим корень неверной теории прибыли Туган-Барановского. Точно также его курьезно-парадоксальная картина капиталистического общества с одним единственным рабочим теоретически восходит к этой путанице. Форма прибыли,

Итак, теория воспроизводства, изучая форму капиталистического общественного воспроизводства (а значит, и накопления), отвлекается от конкретных условий капиталистического рынка, т.-е. исключает из поля своего зрения исторические процессы образования и эволюции рынков для капитализма, а также значение этих процессов для хода капиталистического развития. Теория воспроизводства, как указывалось выше, исходит из отсутствия теоретических затруднений в проблеме реализации, дабы тем строже и чище выявить все затруднения на стороне общественного производства. Таким образом самой постановкой вопроса предполагается постулат „чистого" капитализма, ибо теория, рассматривающая капиталистическую форму, не вправе усложнять анализ привлечением докапиталистических формаций, хотя бы последние диффундировали со всеми частями капиталистического организма. Вопрос о некапиталистических рынках встает лишь тогда, когда исследователь занимается изучением тех реальных, практических условий, в которых по воле истории приходится работать капиталистической машине. Этим рассеиваются недоумения Р. Л. по поводу „экономического спроса", который во II томе „Капитала" ограничен капиталистами (производительное потребление c плюс потребление прибавочной ценности m) и рабочим классом (потребление общественного v) [1]). Непонимание необходимости абстрагировать проблему от „экономического спроса" приводит Р. Л. (см. 8 и 9 гл. ее большой работы) к цепи в высшей степени странных недоразумений. Не замечая, что подсовывает Марксу чуждую ему проблему, Р. Л. извращенно представляет всю его аналитическую работу по изображению обращения общественного капитала. Сперва теория

как опущенная завеса, прикрыла от его взора глубинные процессы производства прибавочной ценности, для которого „процесс" выкалачивания прибыли служит лишь иррациональным выражением. Для представления конкурента внутренняя работа производственного механизма непостижима.

[1]) Р. Л. в своей большой книге собрала достаточное число цитат из Маркса, свидетельствующих об его отрицательном отношении к привлечению некапиталистических потребителей к анализу воспроизводственного процесса. Что же касается специально вопроса о внешней торговле, поскольку он связан с настоящей проблемой, то он критически развернут Лениным в его экономических статьях 90-х годов. См. II том Собрания соч., где эти статьи собраны. Из Маркса достаточно привести одно место: „Мы должны весь торгующий мир рассматривать, как одну нацию, и предположить, что капиталистическое производство укрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства". (Том III, ч. I, 21а.)

потенциального капитала трактуется, как проблема реализации прибавочной ценности; затем в таким образом понятой проблеме потенциального капитала усматривается экономический и логический грех: вопрос, мол, ставится Марксом так, что накопление капитала берется в его statu nascendi из простого воспроизводства. И прочее. Вообще, вся проблема денежного обращения понимается Р. Л., как чисто технический вопрос (см. особ. „Нак. кап.“, стр. 94). Примерно так: как, *откуда* общество достает потребное для обращения произведенной товарной массы количество денег. Ясно, что в такой постановке денежный вопрос *экономически* не отличается от вопросов рынка, или, как Р. Л. говорит, „экономического спроса“, „фактического спроса“, „реальных экономических потребностей“, и единственная теоретическая задача, с которой он еще связан, это вопрос о количестве денег, потребных для оборота товарных ценностей, вопрос, благополучно разрешаемый на основе общих законов товарного обращения. С этой стороны, Р. Л. вполне логично отрицает существование особой теоретической проблемы денежного обращения в учении о воспроизводстве общественного капитала. Но Р. Л. полемизирует со своей мечтой. Маркс тоже говорит: „Все законы, установленные нами (книга I, гл. 3) относительно количества денег, обращающихся при товарном обращении, нисколько не изменяются вследствие капиталистического характера процесса производства“ [1]). Но Маркс берет проблему совершенно в иной плоскости. Количество денег его меньше всего занимает при анализе движения общественного капитала [2]). Его интересуют линии и узлы денежных потоков, поскольку они входят, как элементы, в общественное движение капитала, с одной стороны, обусловленные капиталистической формой производственного механизма и, с другой стороны, участвующие в движении этого механизма и в поддержании и в создании его единства. В кровеносной системе капиталистического организма Маркса интересует не количество крови и не состав крови [3]), а *построение* системы, направление и связывание ее сосудов и ее замкнутые круги. Под таким углом зрения обращение капиталистически производимых ценностей

---

[1]) „Капитал“, II том, стр. 304.

[2]) Там же, стр. 440.

[3]) Можно соглашаться или спорить со сведением у Маркса всех денег к металлическим деньгам и всех источников денег к золотопромышленности, но нельзя не признать чрезвычайной маловажности этого вопроса для теории воспроизводства.

заключает в себе проблемы, совершенно отличные от простого товарного обращения [1]).

Впрочем, теория воспроизводства может быть изложена и без привлечения денежного обращения. Энгельс, в предисловии ко II тому „Капитала", рассказывает про имевшийся в бумагах Маркса вариант этой теории без денег. Однако в таком изложении учение о воспроизводстве должно ограничиться общими формулировками о капиталистическом выражении количественных пропорций общественного производства и рассмотрением этих пропорций в качестве условий воспроизводственного процесса. Самый же воспроизводственный процесс, т.-е. динамика общественного производства в капиталистической его форме останется вне поля анализа [2]).

Но пора определить содержание теории воспроизводства, которая, как мы видели, есть теория о равновесии движущихся производительных сил в их капиталистической форме, или, если угодно точнее: учение о капиталистической форме равновесия движущегося общественного производственного механизма.

Двух моментов необходимо и достаточно для определения капиталистической формы хозяйства. Это, во-первых, дробность общественных производительных сил, которая при рассмотрении с другой стороны представляет множественность обособленных, самостоятельно функционирующих долей общественного целого; во-вторых, производство прибавочной ценности в каждой из таких независимых долей. Вот почему анализ общественного капиталистического воспроизводства следует базировать на законах производства прибавочной ценности и на законах движения единичного капитала. Трудность проблемы заключается в том, что, с одной стороны, для общественного производства (а значит, и воспроизводства) обязательна вещественная точка зрения, с другой стороны, обращение всего общественного капитала подчинено нормам, которых не существует для обращения единичного ка-

---

[1]) Р. Л., разумеется, отличает обращение товаров от обращения капиталов. См. стр. 64 большой книги. Но она не видит, что при рассмотрении *воспроизводства капиталов* существенно *отличное*, а не общее, что есть в двух этих процессах.

[2]) Как известно, Маркс придавал большое значение закону возобновления основного капитала, выведенному им благодаря привлечению денежного обращения к вопросам воспроизводства.

питала, а именно—законам сцепления отдельных метаморфоз единичных капиталов [1]). При всем том, общественное производство при капитализме есть капиталистическое производство. „В таком случае приходится иметь дело с коллективным, собирательным капиталистом. Весь капитал представляется как бы акционерным капиталом всей совокупности отдельных капиталистов" (II т., стр. 409).

Теоретическая проблема заключается, таким образом, в синтезировании вещественных свойств *всякого* производства (общественного производства, как такового) с историческими категориями капиталистической экономики, т.-е. с категориями производства ценности и прибавочной ценности. Р. Л. справедливо считает, что разрешение этой проблемы могло быть под силу лишь Марксу, положившему в основу своего анализа капитализма учение о двойственном характере труда, согласно которому труд в товарном обществе проявляется одновременно в двух результатах: в материальных вещах и в нематериальной ценности этих вещей. Что касается самого Маркса, то он следующим образом формулирует сущность проблемы воспроизводства общественного капитала:

> „Общественный капитал равняется лишь сумме индивидуальных капиталов, а потому и годовой товарный продукт (или товарный капитал) общества равняется сумме товарных продуктов этих индивидуальных капиталов. Хотя отсюда следует, что разложение товарной стоимости на ее составные части, правильное для всякого индивидуального товарного капитала, должно оказаться правильным и для капитала всего общества, и хоть в конечном счете оно действительно оказывается правильным, тем не менее та *форма проявления*, в которой это разложение товарной стоимости находит себе выражение в *общественном процессе воспроизводства, взятом, как целое*, оказывается *иною*" (стр. 343, т. II—курс. наш; „иною"—курсив Маркса).

---

[1]) „Но кругообороты индивидуальных капиталов переплетаются друг с другом, предполагают и обусловливают друг друга и как раз благодаря этому-то сплетению и образуют движение всего общественного капитала. Как при простом товарном обращении весь метаморфоз товара представлялся звеном в цепи метаморфоз товарного мира, так теперь метаморфоз индивидуального капитала является членом ряда метаморфоз общественного капитала". („Капитал", т. II, стр. 327.)

Эта иная, нежели для отдельного капитала, форма проявления разложения стоимости, форма, учитывающая вещественное деление общественного производства, есть пропорциональное распадение общественного капитала на отрасли „I“ (производство средств производства) и „II“ (производство средств существования), а II отрасли на 2 группы „II а“ (производство средств существования рабочего класса) и „II б“ (производство предметов роскоши, т.-е. средств существования класса капиталистов). Точнее будет сказать: такое *распределение всех единичных* капиталов общества по этим трем группам, при котором обеспечивается возобновление общественного постоянного капитала „*c*“ и переменного капитала „*v*“ и создается материальный субстрат для прибавочной ценности всего класса капиталистов „*m*“.

Р. Л., имевшая широкую историческую перспективу в проблеме воспроизводства [1]), временами теряла, однако, ясное понимание границ проблемы. Строгие очертания марксова построения и его железная определенность не в одном пункте расплывались перед взором страстного критика. Разительный тому пример: поправка Р. Л. к делению общественного капитала на две отрасли в виде присоединения третьей отрасли—производства денег. Р. Л. не замечает, что этим „уклонением от Маркса“ она одним взмахом разрушает все стройное здание марксовой теории. „Деньги сами по себе не составляют элемента действительного воспроизводства“, говорит Маркс (см. гл. 17—II т.), а следовательно, прибавим мы, деньги (денежный товар, деньги как вещь) не могут приниматься в расчет при рассмотрении воспроизводства общественного капитала.

Другой пример: Р. Л. занимается проверкой марксовых схем на социалистическом производстве. Между тем эти схемы выражают нормы специфически-капиталистического производства. Достаточно указать на деление II отрасли (на производство средств существования рабочего класса и на изготовление предметов роскоши), которому уделяется у Маркса целый большой раздел [2]).

---

[1]) „Нак. кап.“, особ. стр. 182. Четкие формулировки некоторых сторон проблемы воспроизводства даны Р. Л. несколько раз на протяжении ее большой книги. См. стр. 60, 62, 44 и пр.

[2]) Ср. „Эпигоны“, стр. 10. Другое еще непонимание указываемой в тексте проблемы см. „Накоп. капит.“, стр. 126.

Но вот тов. Мотылев представляет себе дело совсем просто: задача Маркса, оказывается, в том, чтобы „явственнее“ изобразить „механизм расширенного воспроизводства в его натурально-вещественных элементах“. И только... Стоило же писать для этого целый том!

Из вышеприведенного вытекает, что теорию воспроизводства, как абстрактную теорию о форме капиталистического воспроизводственного механизма, отвлеченной от реальных исторических условий процесса, нельзя привлечь *непосредственно* к объяснению конкретных явлений рынка, кризисов [1]), империализма и т. д. Но Р. Л.' связывающая настоящую теорию с теорией империализма, вводит промежуточное звено. Из анализа марксовых схем выводится сначала невозможность „чистого" капитализма, чтобы затем невозможностью чистого капитализма обосновать империализм. В этой логической цепи теория воспроизводства Маркса фигурирует, таким образом, в роли доказательства от противного. Силлогизм, примерно, таков: схема Маркса служит для доказательства возможности чистого капитализма; но схема приводит к неразрешимым противоречиям; значит, невозможен чистый капитализм. Разберемся.

Предварительно о построении схем. В главе 7-й „Накопление Капитала" („Анализ Марксовой схемы расширенного воспроизводства") Марксу вменяется в вину произвольность цифровых отношений. „В данном случае получается, что отношения накопления подразделения I, с их ясною закономерностью, покупаются совершенно произвольной конструкцией отношений в подразделении II, и это обстоятельство подает повод для проверки внутренних связей анализа" (стр. 75). А несколько выше: „Инициатива движения все время остается на стороне подразделения I, подразделение II

---

[1]) Нам представляется нецелесообразным тот способ выведения теории кризисов, при котором по главу угла ставится анализ марксовых схем воспроизводства (см., напр., Гильфердинга). Для понимания кризисов глубокая идея, заложенная Марксом в делении общественного воспроизводства на „I" и „II" отрасли и вскрывающая до дна differentia specifica капиталистического воспроизводства, лишена познавательного значения. С точки зрения кризисов знаменательны (и теоретически плодотворны) другие деления, также указанные Марксом, как то: противопоставление отраслей, не связанных с органическими процессами производства, и отраслей, базирующих на этих процессах; противопоставление производства элементов основного капитала производству элементов оборотного капитала и т. д.

Впрочем, сам Маркс был чрезвычайно далек от того, чтобы признавать серьезное значение за аргументацией диспропорциональностью при обосновании капиталистических кризисов. См. его „Теории приб. ценности", где он развертывает проблему всеобщего и частного перепроизводства. Но в иллюстрации диспропорциональности схемами II тома „Капитала", к которой у нас с легкой руки Гильфердинга обычно прибегают, мы не можем не слышать явственного голоса Туган-Барановского... Впрочем, к этому вопросу мы надеемся вернуться особо.

является лишь пассивным придатком. Так, капиталисты II должны всякий раз накоплять и потреблять столько, сколько это необходимо для накопления в I“ (стр. 75). Поскольку речь идет о нереальных цифрах накопления во II, следует помнить, что существенны в марксовых схемах не те или иные числовые отношения. Существенно наличие при равновесии основных отраслей капиталистического производства жестких пропорций, необходимость которых и формулировку которых указывают схемы. Что же касается „инициативы“ I отрасли, то и здесь нельзя не видеть глубокого проникновения Маркса в капиталистическую форму общественного производства, при которой производство средств потребления, не являясь целью хозяйственной деятельности, не может служить исходной точкой теоретического анализа.

Но гвоздь критики, разумеется, не в этом, хотя и это обстоятельство должно показать искусственность марксова построения. Гвоздь—в несоответствии содержания схемы реальному процессу накопления. Р. Л. понимает, что происходит это вследствие предпосылок самой схемы. И вот предпринимается поход против предпосылок. Маркс положил в основу чистый капитализм, история же знает только такой капитализм, который живет и питается докапиталистической средой. Маркс, вопреки жизни, исходит из постоянной техники; Маркс, наперекор действительности, принимает неизменную норму прибавочной ценности и неизменную норму накопления... „Образование и накопление прибавочной стоимости в денежной форме в виде капитала, ищущего приложения, согласно этой схеме невозможно“... „Схема... исключает скачкообразное расширение производства. Она допускает только непрерывное расширение его, которое идет в ногу с образованием прибавочной стоимости и покоится на идентичности между реализацией и капитализацией прибавочной стоимости“ [1]).

Совершенно верно. Все эти необходимые атрибуты капитализма не учитываются в марксовых схемах расширенного воспроизводства. Но что из себя представляют эти схемы? Они служат цифровой иллюстрацией к теории воспроизводства, не больше и не меньше. Р. Л. глубоко заблуждается относительно функции схем, когда хочет в них видеть истолкователей конкретных явлений капиталистической истории [2]). Но если назна-

[1]) См. „Нак. кап.“, гл. 25.

[2]) См., напр., следующее место из „Накопления капитала“: „История английской хлопчатобумажной промышленности, представляющая самую характерную главу в истории капиталистического способа производства, начиная

ченпем схем является иллюстрировать учение о капиталистической форме равновесия общественного хозяйства, то есть ли надобность привлекать к ним все многообразие и все изгибы конкретного капитализма? Логика говорит обратное: не следует вводить в схему такие факторы, которые не являются стержневыми для капиталистической Formbestimmtheit. Иначе эти стержневые элементы потонут в густом тумане конкретных модификаций и наслоений капиталистической действительности.

Но дело не только в том, что *должны* объяснять схемы, дело также в том, что они в *состоянии* разъяснять. И здесь следует строго различать два вопроса: *как* (в какой форме) происходит накопление и *происходит ли* в действительности накопление. Схемами нельзя ответить на второй вопрос, для его разрешения должна быть привлечена вся теоретическая система, построенная для познания капитализма, в ее частных выводах и общих заключениях. Схема не может дать ответа на вопрос—возможно ли накопление в капиталистическом обществе. Сколько бы мы ни усложняли схему включением многозначных действительных процессов в сферу ее рассмотрения, мы все же будем читать в ней только описание процессов, но не их анализ. Фотография не есть изучение. В значительной мере на зыбкой почве забвения этого самоочевидного положения разрослась обширная и громоздкая критика марксовой теории. Шаткость критической постройки, отсюда вытекающая, находит свое выражение в расплывчатости аргументации (временами делающей неуловимыми центровые моменты) и в бесплодности выводов — двух основных чертах этой критической работы, порожденной теоретическим недоразумением.

Но Роза Люксембург достаточно оригинальный ум, чтобы не довольствоваться критикой марксовых схем в качестве обоснования своего тезиса о невозможности накопления в чистом капитализме [1]). В ее работе имеется также позитивная аргументация, к рассмотрению которой мы и перейдем.

с последней четверти XVIII в. и вплоть до семидесятых годов прошлого века, оказывается совершенно необъяснимой с точки зрения марксовой схемы" (стр. 239).

[1]) В „Эпигонах" мы находим несколько блестящих полемических страниц, справедливо высмеивающих „ортодоксальный культ формул" (стр. 25 и след.).

* * *

Положительное доказательство невозможности накопления при чистом капитализме, если освободить его от элементов неудачной критики Маркса и привести в систему относящиеся к нему и разбросанные по всей книге отдельные места и страницы, сводится к двум аргументам. Первый — общего характера — неоднократно формулируется Р. Л. в виде вопроса: кто является потребителем производимой капиталистами прибавочной ценности в случае ее накопления, т.-е. в том случае, когда сами капиталисты не потребляют ее в качестве дохода. Второй аргумент — более частного характера — касается затруднений, с которыми при росте техники сопряжено накопление вследствие вещественной фиксированности произведенной в той или иной отрасли прибавочной ценности. Начнем с последнего аргумента.

Проблема, о которой идет речь, состоит в следующем. Технический прогресс требует усиленного роста производства средств производства (I отрасли) по сравнению с производством средств потребления (II отрасли). Таким образом для капитализма возникают трудности вследствие того, что — при равномерном росте I и II отрасли — в I отрасли неизбежен постоянный дефицит, во второй же — постоянное перепроизводство. Наличие чужой (внешней) среды, допускающей обмен между капитализмом и докапитализмом, послужило бы к устранению этих несоответствий. Но если нет докапиталистической среды? И Р. Л. решительно отвечает: тогда техническое развитие оказывается невозможным для капиталистической системы. Затруднение, о которое здесь разбивается чистый капитализм, вызвано тем, что прибавочная ценность во второй отрасли воплощена во вполне определенных материальных предметах, не могущих служить в роли средств производства. Сбыт излишка II отрасли оказывается при таких условиях невозможным, а вследствие этого единственно-мыслимый при чистом капитализме способ ликвидации отмеченной диспропорциональности двух отраслей — перенесение прибавочной ценности из II отрасли в I с целью ее накопления в последней — оказывается неосуществимым.

Однако Р. Л. не замечает, что вопрос стоит исключительно и всецело в плоскости регулирования общественного хозяйства. В той мере, в какой опасения Р. Л. имеют реальное основание, они затрагивают не больше, как частный случай нарушения необходимой пропорции тех или иных отраслей общественного

хозяйства. Подобные нарушения, составляющие содержание антагонистического метода, который имеет в своем распоряжении капитализм для соблюдения и постоянного воспроизводства общественного равновесия, приводят, как известно, к кризисам, в которых они проявляются и которыми они устраняются. С этой стороны, невозможность чистого капитализма заключалась бы в учащении и углублении кризисов во II отрасли. Но сопровождаемые столь же хроническим недопроизводством в I отрасли, эти кризисы представляли бы явления частного перепроизводства: мы, таким образом, опять-таки упираемся в проблему координирования составных частей капиталистического общественного хозяйства. Современный капитализм, развивающий в себе методы регулирования, совершенно неведомые классическому капитализму XIX в., обладающий даже зачатками планового регулирования (правда, в иррациональной и противоречивой форме соглашений и монополий) и, во всяком случае, сказочно совершенствующий всевозможные виды кредита—уже в настоящее время (а до чистого капитализма еще далеко!) открывает широкие возможности антиципирования конкретных этапов ближайшего технического развития, а след., делает возможным предупреждение—в большей или меньшей мере—указываемых Р. Л. несоответствий I и II отраслей [1]). Во всяком случае, нельзя отмахнуться от процессов организационного и регуляторного совершенствования капитализма, сопутствующих расширению и углублению поля его действия и в колоссальной мере увеличивающих эластичность и приспособляемость его экономической системы.

Обратимся теперь к фактам капиталистической действительности и посмотрим, оправдывают ли они недоверие Р. Л. к регуляторным способностям капитализма.

Первое, что бросается в глаза при анализе внешней торговли капиталистических стран.—это громадное значение ввоза продуктов питания, т.-е. одного из основных элементов средств потребления рабочего класса. При этом тенденция такова, что роль привозной пищи стремительно возрастает по мере развития и углубления капиталистического способа производства. Относительно Германии, напр., следующая табличка достаточно выясняет эту тенденцию:

---

[1]) В этом отношении немаловажную роль играют новейшие организационные формы капитализма—комбинированные объединения, местами вырастающие в монополистические комбинаты.

Ввоз и вывоз пшеницы (в тысячах тонн) [1].

Годы.	Ввоз.	Вывоз.	Ввоз больше вывоза на:
1881—85	603,6	49,3	554,3
1886—90	469,9	2.6	467,3
1891—95	1079,4	30,0	1049,4
1896—00	1394,8	174,8	1220.1
1901—05	2089,3	135,9	1953,4
1906—10	2266,0	209,7	2056,3

Т.-е. превышение ввоза пшеницы над вывозом за тридцать лет увеличилось в этой стране „блестящего развития сельского хозяйства“ (Бернштейн-Коган) почти *в четыре* раза. Если же взять всю немецкую внешнюю торговлю пищевыми продуктами за 1913 г., то на общий вывоз в 1043,3 мвлл. марок приходится привоз в 3049,2 м. марок, т.-е. привоз превышает вывоз *почти в три* раза. Сравним эти цифры с соответственными цифрами 1888 г., когда вывоз составлял 485,9 милл. марок и ввоз 905,9 м. м., т.-е. ввоз был менее чем в два раза выше вывоза [2].

Для Англии получаются еще более разительные цифры. Проф. С. Бернштейн-Коган приводит следующие данные об изменении удельного веса внутреннего производства пшеницы и ее ввоза для Англии с 1870 г. по 1913 г.

Проценты внутреннего производства и привоза пшеницы по периодам. [3]

Годы.	Вн. пр—во.	Ввоз.	Годы.	Вн. пр—во	Ввоз.
1870—4	53.1%	46,6%	1890—4	27,4%	72,6%
1875—9	40,8 »	59,2 »	1895—9	24.4 »	75,6 »
1880—4	35.9 »	64.1 »	1900—4	20,0 »	80.0 »
1885—9	33,7 »	66,3 »	1913	24.3 »	75,7 »

Эти совершенно правильные статистические ряды говорят сами за себя. Но, быть может, не лишне будет привести еще две цифры об общем вывозе и ввозе продовольствия в Англии перед войной. В „Статистическом ежегоднике мирового хозяйства“ под ред. С. Фалькнера сумма английского импорта пищевых продук-

[1] С. Бернштейн-Коган. Очерки эконом. геогр. Гиз. М. 22, стр. 153.

[2] *Гельфферих*, „Развитие народн. хоз. Германии“. М., 1920 г., стр. 60.

[3] Бернш.-Коган. l. c., стр. 96. См. также след. стр., где приводятся данные о привозе мяса, масла, яиц.

тов, напитков и табаку за 1913 г. оценивается в 295.149 тысяч фунт. стерл. против экспорта в 33.876 тыс. ф. ст., т.-е. вывоз составляет немногим больше $^1/_9$ ввоза [1]).

Этих цифр из новейшей истории капитализма в двух передовых странах как будто достаточно, чтобы опровергнуть опасения Р. Л. насчет того, что чистый капитализм не в состоянии будет замедлять темп роста II отрасли по сравнению с I. Уже в наши дни, чрезвычайно далекие от идеального капитализма, современная хозяйственная система обладает регулирующим механизмом, достаточно гибким для того, чтобы приводить в соответствие с потребностями технического развития движение отдельных частей общественного хозяйства [2]).

Но как обстоит дело с неизбежным, по соображениям Р. Л., недопроизводством в 1 отрасли? С одной стороны, поскольку это недопроизводство понимается, как иное выражение избытка во II, вопрос разрешен, коль скоро показано, что во II никакого избытка нет. С другой стороны, и Р. Л. видит, что „этот дефицит в средствах производства может быть отчасти кажущимся. В процессе повышения производительности труда рост массы

---

[1]) Тов. Варга пишет о потреблении и вывозе шерсти (тоже отрасль II) в Англии: „Английское сукно мы находим во всех частях света и предполагается, что вывозится, по крайней мере, половина продукции: в противовес этому Шульце-Геверниц в своей работе, озаглавленной „Der britische Imperialismus", сообщает следующие данные Бредфордской торговой палаты о положении английской шерстяной промышленности (в милл. ф. ст.):

Годы.	Потреблен. англ. шерсти местного происхожд. и импортируемой.	Вывоз англ. шерстяных и трикотажн. товаров. В %.	К внутр. потребл.
1877	373	17,3	5
1882	356	17,9	5
1887	392	20.6	5
1892	467	18.5	4
1897	470	17,9	4
1902	513	14.2	3

(„Мир. хоз.", М., 1922 г., стр. 15). Тенденция ясна: непрерывной линии возрастания внутреннего потребления соответствует столь же правильное падение относительных цифр экспорта, при чем с 90-х годов уменьшается также абсолютная цифра вывоза".

[2]) Впрочем, в относительном сокращении II отрасли капитализму оказывает своеобразную услугу неизбежное при капиталистических методах хозяйствования отставание земледелия от промышленности: дело в том, что материально „с" почти всецело состоит из предметов органического мира,

средств производства идет быстрее, чем рост их стоимости, или, выражаясь иначе, происходит удешевление средств производства. Т. к. при повышении техники производства дело зависит прежде всего не от стоимости, а от потребительной стоимости, т.-е. от вещественных элементов капитала, то можно в известной степени принять, что массы средств производства, несмотря на дефицит в их стоимости, хватает для продолжения процесса накопления". („Нак. кап.", стр. 235). При всем том, большой и самостоятельный интерес представляет сказочное, все более ускоряющееся, расширение отраслей I, свойственное современному капитализму и оставляющее далеко позади темп развития отраслей II [1]).

Материально отрасли I для нашей эпохи „железа и угля" означают тяжелую (горную) индустрию, обработку всякого цвета металлов, добычу минерального топлива, машиностроение и т. д. И как раз для современной стадии капитализма знаменательно то обстоятельство, что производство средств производства материально и технически теснейшим образом связываются с производством средств разрушения, при чем последние играют все большую роль в общей продукции тех отраслей хозяйства, которые прежде доставляли почти исключительно средства производства. Но уже один этот рост непосредственно экономического значения милитаризма и маринизма в современную эпоху, т.-е. значение их, как рынка железной и проч. промышленности, окончательно опорочивает концепцию Р. Л. о якобы непреодолимых затруднениях, которые неминуемо встретит развитый капитализм в виде перманентного дефицита в I отрасли [2]).

в то время как средства производства в преобладающей массе представляют неорганическую материю. (К этому ведет и тенденция технического прогресса). Для современных капиталистических стран встает даже проблема диаметрально-противоположная той, которую видит Р. Л. Война придала этой проблеме увеличения производства средств существования особую остроту и сделала ее разрешение настоятельно необходимым для таких стран, как Англия, Германия и т. д. В этом отношении большой интерес представляет книжка английского профессора Холла: „Задачи подъема производительности земледелия", написанная в самом начале войны и переведенная на русский язык Клем. Аркад. Тимирязевым в 1918 г. (М., 1919).

[1]) См., напр., данные о Германии в выше цитированной работе Гельфериха, табл. на стр. 55.

[2]) Тов. Павлович, как известно, собрал много материалов, свидетельствующих о гораздо большем еще темпе роста первой отрасли, приведшем к борьбе за сооружение мировых железных путей. Следующее, довольно длинное, его резюме по этому поводу представляет особый интерес:

Но можно возразить: вы берете лишь одну сторону дела. Рассматривая внешнюю торговлю современных капиталистических стран, нетрудно увидеть, какую громадную роль играет в их импорте сырье, т.-е. тоже элемент общественного „с“. Так, для английской торговли 1913 г. ввоз сырья составлял 269,9 м. фун. стер. (т.-е. свыше 35% всего импорта) против 66,2 мил. вывоза, или ввоз превышал вывоз больше, чем в 4 раза. Для Японии ввоз сырых материалов составлял в 1913 г. 48.5% всего ввоза, при чем эта цифра в первые годы европейской войны быстро возрастала, дойдя в 1915 г. до 63,8%. Вывоз же сырья в 1913 г. занимал всего 8,1% всего вывоза, упав к 1916 г. до 5,2%. В абсолютных же цифрах в 1913 г. на 354 мил. иен ввоза приходилось 51 мил. иен вывоза, т.-е. в 7 раз меньше [1]). Достаточно яркие цифры получаются и для Германии. В последней удельный вес сырья и полуфабрикатов характеризовался в 1913 г. для импорта 58-ью процентами, а для экспорта 26,3%; в абсолютных же числах на 6.242 мил. марок ввоза приходилось 2.659 мил. марок вывоза, т.-е. ввоз превышал вывоз в $2^1/_3$ раза...[2])

„...И вот, несмотря на непрерывное расширение внутреннего и внешнего металлургического рынка, обусловленное в значительной мере чудовищным ростом милитаризма, не только во всех Европейских странах, но и в Японии, возрождающемся Китае, Южно-Американских государствах, заказывающих все новые и новые военные суда и орудия для сухопутной армии английским, германским, французским, австрийским заводам, все громче и громче в европейской и нашей отечественной литературе подымаются накануне войны вопли о перенасыщении внутреннего и мирового рынка чугуном, о неизбежном в близком будущем сужении производства, фатально надвигающемся кризисе, который может быть если не устранен, то во всяком случае значительно ослаблен для каждой отдельной страны осуществлением какого-нибудь грандиозного ж. д. проекта, великое культурное и промышленное значение которого уже доказано теми или другими учеными. Так, Англия должна, наконец, взяться за осуществление своего пресловутого проекта сплошной ж. д. через всю Африку от Капштадта; так, Франция должна провести грандиозную ж. д. через всю Сахару; так, Германии надо дать кончить ее Багдадскую дорогу с веткой на Тегеран; так, Соединенные Штаты должны прорезать Манчжурию, согласно проекта Нокса, новым ж. д. путем; так, наконец, международному консорциуму надлежит энергично „приняться за сооружение новых стальных дорог в безграничном Китае и т. д.“ („Импер. и борьба за пути будущего“. Часть 1, изд. 2, стр. 29).

[1]) „Статистич. Ежегодн. Фалькнера“, стр. 87, 88 (Англия), 103 (Япония).

[2]) Гельфферих, *l. c.*, стр. 60.

Так вот, не говорят ли эти данные о дефиците I отрасли, восполняемом в настоящее время привозом из внешней среды, но неустранимом при чистом капитализме, когда вся некапиталистическая среда исчезнет?

Однако при оценке явлений внешней торговли следует всегда помнить о так наз. международном разделении труда. Уголь и руды, например, приходится ввозить, если их нет (или недостаточно при данном развитии промышленности) внутри капиталистической страны. Кроме того, современное мировое хозяйство включает целый ряд тропических и субтропических стран, доставляющих капитализму умеренного пояса сырье. „Специализация на тех или иных культурах настолько определенно диктуется здесь природными условиями, что и при полной экономической свободе (т.-е. при чисто экономических методах принуждения—*Э. Л.*) мы находим часто картину, напоминающую старую колониальную систему, а именно картину настолько далеко зашедшей специализации, что тот или иной подтропический район становится типичным районом „односторонней культуры“ (монокультуры)“ [1]).

Впрочем, Р. Л. сама понимает, что „по существу для капиталистического производства годились бы, напр., и капиталистически обрабатываемые каучуковые плантации, которые устроены уже в Индии“. („Накопление капитала“, стр. 257) [2]).

---

[1]) Бернштейн-Коган, *l. c.*, стр. 184.—Дальше автор приводит несколько примеров таких монокультур, к которым мы можем прибавить производство каучука в Бразилии, Индии, на островах Малайского архипелага.

[2]) Вот несколько цифр, показывающих эволюцию мирового каучукового производства за 30 лет нашего столетия (цифры обозначают большие тонны).

Годы.	Плантации кауч.	*Все* произв. каучука (в том числе и дикий)	% % плантац. кауч.
1900	1	53.890	0
1905	115	62.145	0
1910	8.200	70.500	12
1915	107.867	158.702 (абсолютн. сокра-	68
1920	304.816	343.731 щен. дик. кауч.)	89

(„Статистич. Ежегодник“, стр. 37).

Что касается хлопка, то не меньше половины мирового сбора его приходится на Соединенные Штаты (среднее за 1914—18 г.г.=26.960 тыс. квинталов, из которых не меньше половины вывозилось, против 50.600 тыс. квинт. мирового сбора; см. „Статист. Ежег.“, стр. 33 и 62), а капиталистический характер Северо-Американского фермерства достаточно выяснен Вл. Ильичем („Новых данных о законах развития капитализма в земледелии“; см. выш. I

Что же касается каменного угля, добыча которого в сколько нибудь значимых для современного мирового хозяйства размерах возможна только капиталистическим способом, то главными экспортерами его являются и в наши дни, понятно, крупнейшие капиталистические страны—Англия, вывозящая 73,4 мил. тонн, Германия,—с вывозом в 34,0 мил. тонн, и Сединенные Штаты, вывозящие 22,1 мил. тонн... [1])

Но довольно цифр. И приведенные вполне ясно обнаруживают искусственность схематической конструкции Р. Л. и необоснованность ее скептических утверждений, будто чистый капитализм не в состоянии будет организовать такое перераспределение индивидуальных капиталов, которое было бы совместимо с условиями растущей техники. Напротив того, мы видели, что *уже* современный капитализм достаточно гибко перераспределяет накопляемую прибавочную ценность [2]), и если перед ним и стоит общая задача сохранения пропорциональности, то разве только в обратном направлении: в сторону уменьшения I и увеличения II...

* * *

Переходим ко второму аргументу, которым Р. Л. обосновывает невозможность накопления в чистом капиталистическом обществе. Как мы выше указывали, аргумент этот представляет отрицательный ответ на много раз (и в разной связи) возникающий у Р. Л. вопрос: кто может явиться потребителем тех товаров, в которых воплощена предположенная к накоплению прибавочная ценность. Вопрос, таким образом, ставится в плоскость социально-экономических групп капиталистического общества, точнее,—в плоскость их роли в качестве потребителей. Р. Л. не находит в капиталистической системе такой группы потребите-

---

ГИЗ, 23 г. особенно стр. 22: „Из общей суммы фермеров *меньшинство*, едва ли *более одной пятой или одной четвертой части*, не нанимают рабочих и не нанимаются или не кабалятся сами" (курс. Вл. Ильича). Ср. также Р. Л., „Нак. кап.", стр. 292.

[1]) Цифры за 1913 г. — „Статистический Ежегодник", страница 152.

[2]) В этом ему, между прочим, помогает то обстоятельство, что как раз в производствах II отрасли капиталы обладают наиболее низким органическим строением с наименьшим при этом основным капиталом и наименьшим техническим минимумом для расширения производства. Это облегчает перенесение накопленной в таких производствах ценности в предприятия с более высоким органическим составом капитала, каковыми являются предприятия I отрасли.

лей, для которой могло бы быть предназначено расширение капиталистического производства. Капитализм, если он хочет развиваться (т.-е. расширяться), должен, следовательно, связываться с некапиталистической средой, которая представляет, по концепции Р. Л., нечто вроде предохранительного клапана для капиталистического котла, при отсутствии которого котёл неминуемо взорвется. Такая постановка вопроса вынуждает нас развернуть проблему производства и потребления в капиталистическом обществе. Постараемся сделать это вкратце.

Капиталистическое производство есть производство прибавочной ценности. Это значит, с одной стороны, что капиталистической системе при подходе к натурально-техническим процессам производства присуща точка зрения ценностно-образующих факторов. При оценке рациональности того или иного вещного элемента производственного процесса для капиталистического способа производства существенен критерий ценности; напр., о выгодности какого-либо технического усовершенствования или о целесообразности повышения зарплаты капиталист судит по значению подобного мероприятия для изменения массы ценности, точнее—прибавочной ценности (resp. прибыли). С другой стороны, производство прибавочной ценности означает эксплоатацию производительного населения страны в качестве наемных рабочих. Тем самым население страны становится орудием капиталистического производства ценности. Оно (население) ни в какой мере не субъект производства, оно стало лишь его объектом на-ряду с другими объектами производства, как машины, сырье, рабочий скот и т. д. С капиталистической точки зрения не существует различий между природным и личным фактором производства, кроме тех, которыми они обладают как участники создавания ценности и прибавочной ценности [1]). Человек и его потребности перестали быть целью общественного производства; человек служит лишь средством, а его потребности лишь условием производства прибавочной ценности. Вот в каких выражениях Маркс раскрывает место индивидуального потребления рабочего класса в капиталистической системе:

„...Индивидуальное потребление рабочего в общем и целом составляет момент в производстве и воспроизводстве капитала независимо от того, совершается ли оно внутри

[1]) Мы, разумеется, не касаемся здесь того, что психология конкурента стирает для капиталиста эти различия.

или вне мастерской, внутри или вне процесса труда,—подобно тому, как чистка машины есть составная часть производства независимо от того, производится ли она во время процесса труда или во время определенных перерывов последнего.

Дело нисколько не изменяется от того, что рабочий осуществляет свое индивидуальное потребление ради себя самого, а не ради капиталиста. Ведь и потребление рабочего скота не перестает быть необходимым моментом процесса производства от того, что скот сам потребляет то, что он ест. Непрерывное сохранение и воспроизводство рабочего класса всегда остается необходимым условием воспроизводства капитала. Выполнение этого условия капиталист может спокойно предоставить самим рабочим, полагаясь на их инстинкт самосохранения и размножения. Он заботится лишь о том, чтобы их индивидуальное потребление ограничивалось по возможности самым необходимым, он очень далек от южно-американской грубости, с которой рабочих насильно заставляют есть более питательную пищу вместо менее питательной". („Капитал", том 1-й, стр. 556). И далее:

„Итак, с общественной точки зрения, класс рабочих—даже вне непосредственного процесса труда—является такой же принадлежностью капитала, как и мертвый рабочий инструмент. Даже индивидуальное потребление рабочих в известных границах есть лишь момент в процессе воспроизводства капитала. И уже самый этот процесс, постоянно удаляя продукт труда рабочих от их полюса к противоположному полюсу капитала, заботится о том, чтобы эти одаренные сознанием орудия производства не сбежали.

...Римский раб был прикован цепями, наемный рабочий привязан невидимыми нитями к своему собственнику, но только этот собственник—не отдельный капиталист, а класс капиталистов". (Там же, стр. 557).

Но это лишь одна сторона дела. Капиталистическое производство есть производство самостоятельно хозяйствующих капиталистов, интересы которых не согласованы, а подчас противоречивы. Законы конкуренции, дающие победу технически-прогрессивному и массовому производству над отсталым и мелким, заставляют капиталиста беспрерывно расширять свое производ-

ство. Безудержное стремление капиталиста к накоплению, заставляющее его под угрозой гибели вести ожесточенную борьбу с братьями-врагами, выступает перед нами как имманентная черта капиталистического производства. В свете этих драконовых законов капиталистической конкуренции бесконечно-ничтожными кажутся излюбленные буржуазными учеными старого и нового времени теорийки воздержания, бережливости и иных прекрасных качеств капиталистической души, якобы движущих общественный прогресс. Но так или иначе, капиталистическая система ставит предел потреблению капиталистов, ограничивая его необходимостью накоплять и накоплять. Вот почему Маркс говорит: „...никогда нельзя представлять его (т.-е. капиталистическое производство. *Э. Л.*) таким, каким оно не бывает, именно таким производством, которое имеет своей непосредственной целью потребление или изготовление предметов потребления для капиталистов. При этом был бы совершенно забыт его специфический характер, который находит себе выражение во всех внутренних отношениях этого производства". („Капитал", т. III-й, часть I-ая, стр. 224).

Но что значит—накопление? Это значит производительное потребление прибавочной ценности, т.-е. потребление ее для (и в процессе) создания новой прибавочной ценности. Накопление, родившись из сокращения одного вида индивидуального потребления (капиталиста), означает в то же время превращение другого вида индивидуального потребления (рабочего) в производительное потребление [1]). *В забвении последнего обстоятельства мы видим корень ошибочной теории Р. Л.* Роза Люксембург спрашивает: где потребитель накопляемой прибавочной ценности? и забывает, что потребление при капитализме не есть самодовлеющая сущность, что капитализм знает только *потребление, обусловленное производством*,—т.-е. вызываемое нуждами производства, поскольку речь идет о потреблении рабочего класса, и ограничиваемое нуждами производства, поскольку речь идет о потреблении капиталистов,—и что поэтому свой вопрос ей следовало бы сформулировать таким образом: кто будет *производительно потреблять* вещественные элементы накопленной прибавочной ценности, найдется ли в капиталистическом обществе спрос на дополнительно произведенные элементы производства (мы нарочно берем

[1]) Точнее: существование индивидуального потребления в качестве производительного потребления.

такие резкие формулировки), независимо от того, составляют ли они средства существования одаренного сознанием работника-человека или средства поддержания жизни и рода рабочего скота, или же мертвые элементы ценностно-образующего аппарата? Но в такой постановке вопрос перестает быть вопросом. Ясно, что капиталисты и *их* рабочие предъявят спрос на дополнительные средства производства и средства существования, поскольку общественное производство расширяется [1]). Мы можем, правда, столкнуться здесь с постоянными явлениями частного перепроизводства в тех или иных отраслях, поскольку расширение всех отраслей общественного хозяйства не может (по причинам техническим, экономическим и проч.) протекать равномерно, однако, о всеобщем „систематическом избытке", получающемся вследствие накопления капитала и по своей природе, a priori, так сказать, не поддающемся реализации в условиях чисто капиталистического потребления, говорить не приходится.

Мы видели, что „капиталистическое производство не есть производство для удовлетворения потребности данной, *извне*. Потребность создается и определяется самим производством" [2]). Выше, в иной связи, нам пришлось говорить о производстве для производства, как форме капиталистического общественного производства. Теперь мы видим, каким образом такая система „производства ради производства" экономически функционирует,

---

[1]) Тверди о „социальной, практической возможности" накопления (см. наприм, „Очерки", стр. 22), о социально-экономических группах, предъявляющих спрос, Р. Л. забывает, что социальные отношения,—это иное бытие тех же производственных отношений.

[2]) Пашкеук—„Теоретические заметки о причине кризисов" (см. „Основ. пробл. пол. экон." под редакцией Дволайцкого и Рубина, стр. 383). *Курс. автора.* —Тов. Дволайцкий в своей последней статье (см. „Вестник Соцакадемии" № 5) подошел, наконец, к сути вопроса, увидев, что ошибка Р. Л. в том, что она „считает условием возможности расширения производства заранее данное увеличение спроса" (стр. 32). Несколько странно звучат при этом признания тов. Дволайцкого, что он молчал об основной проблеме „исключительно только потому, что хотелось остаться в рамках логической схемы Р. Л." (стр. 23)... Кстати: ошибка тов. Дволайцкого в постановке уже *основного* вопроса в том, что он его понимает как частную формулировку „методологического тезиса" Маркса о примате производства над потреблением и распределением. Примат этот есть общ-социологический закон общественной жизни человека (а тем самым и его общественного хозяйства), есть один из основных элементов *исторического материализма*—и нельзя его смешивать со специфическими, формальными определениями капитализма.

т.-е. какими методами она выполняет свое назначение производственной системы, заключающееся в удовлетворении общественных потребностей. Отрывая непосредственную цель хозяйствования (прибыль) от его объективного назначения (удовлетворения общественных потребностей), эта система превращает конечный и объективный результат производства в средство для достижения иррациональной — с точки зрения общественного организма — цели. Таким образом все переставляется на голову. Цель и средство меняются местами и маскируются в костюмы один другого. Но больше того: они меняются ролями в общественном хозяйственном процессе. И в этой путанице конкуррентных отношений рождаются самодовольно-поверхностные Сэи на заре капитализма и этизирующие парадоксальные Туганы у его заката...

Очень глубоко проник в проблему Владимир Ильич в экономических статьях 90-х годов. Он считает „вполне справедливым положение, что производство само создает себе рынок, само определяет потребление", и добавляет: „из непонимания того *как* производство создает себе рынок, вытекает учение о невозможности реализовать сверхстоимость" [1]). Вопрос, таким образом, ставится Лениным в плоскости капиталистической формы взаимозависимости производства и потребления, которая понимается как центральный, определяющий момент „проблемы" накопления в чисто капиталистическом обществе. В другом месте Ленин достаточно близко раскрывает содержание этой взаимозависимости. „Отличие взглядов мелко-буржуазных экономистов от взглядов Маркса состоит не в том, что первые признавали вообще связь между производством и потреблением в капиталистическом обществе, а второй отрицал вообще эту связь (это было бы абсурдом). Различие состоит в том, что мелко-буржуазные экономисты считали эту связь между производством и потреблением *непосредственною*, думали, что *производство идет за потреблением*. Маркс же показал, что эта связь *лишь посредственная*, что сказывается она *лишь в конечном счете*, ибо в капиталистическом обществе *потребление идет за производством* [2]).

А в другой своей работе, посвященной Сисмонди, Ленин еще конкретнее формулирует эти положения о связи производства и

---

[1]) „К характ. экономич. романт.". Собр. сочин., т. II, стр. 174.

[2]) „Ответ г. Неждановой". Там же, стр. 500, курс. Вл. Ильича. Интересно сопоставить это место из Ленина со следующими словами Маркса, не

потребления в капиталистическом обществе. Он пишет: „Чтобы расширять производство („накоплять" в категорическом значении термина), необходимо произвести сначала средства производства... а для этого нужно, следовательно, расширение того отдела общественной продукции, которая изготовляет средства производства, нужно *отвлечение к нему* рабочих, которые уже *предъявляют спрос и на предметы потребления*, следовательно, „потребление" развивается *вслед* за „накоплением" или *вслед* за „производством"—как ни кажется это странным, но иначе и быть не может в капиталистическом обществе" [1]).

Совершенно правильно. И поэтому проблема разрешена, как только Маркс разделил общественное производство на I и на II, ибо в этом делении общественный процесс взаимодействия производства и потребления охвачен в „его важных (grosse) категориях и связях" [2]), выявляющих его, как *капиталистический* процесс. И Ленин с полным правом говорит в статье о народничестве и о Струве: „Раз исправлены эти ошибки (т. е. знаменитые ошибки Смита о распадении национального богатства на $c + m$. *Э. Л.*) и принято во внимание то обстоятельство, что в капиталистическом обществе громадную и все растущую роль играют средства производства, ...рушится совершенно и вся пресловутая „теория". Маркс доказал во II т., что вполне мыслимо капиталистическое производство без внешних рынков с растущим накоплением богатства и без всяких „третьих лиц", привлечение которых г. Струве в высшей степени неудачно" [3]).

Но тут-то обычно и задается вопрос. Как, значит, по-вашему, капиталистический производственный механизм совершенно не

раз, впрочем, цитировавшимися: „...Как мы видели (кн. II, отд. III), совершается непрерывное обращение между постоянным капиталом и переменным капиталом (далее оставляя в стороне ускорение накопления), которое в первое время не зависимо от личного потребления в том смысле, что оно никогда в него не входит, но которое, в конечном счете, ограничено личным потреблением, потому что производство постоянного капитала никогда не совершается ради него самого, но совершается только потому, что его более потребляется в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление". („Капитал" т. III, ч. I, стр. 289).

[1]) „К харак. экон. романт.", стр. 180. Курсив Вл. Ильича.

[2]) Выражение. Р. Л., Р. Л., как уже выше указывалось, не понимала именно *этого* значения марксова деления. См. особенно стр. 126 большой книги.

[3]) „Экономич. содерж. народн. и критика его в книге г. Струве". т. II, стр. 151—152.

зависит от общественных потребностей? значит, он их сам себе создает, как господь-бог сотворил себе мир и все, что наш глаз видит на нем? Но вы ведь не собираетесь представить капитализм чудесным магом, из ничего делающим все!.. — И дальше о карусели, вращающейся в пустом пространстве, о „независимом движении капитала вокруг собственной оси", о Туган-Барановщине и т. д. Успокойтесь, товарищи! Во-первых, при сколько-нибудь внимательном прочтении приведенных выше мест из Ленина и Маркса не трудно заметить, что излагаемой нами точке зрения абсолютно чуждо игнорирование личного потребления. Наоборот, она видит в личном потреблении конечную границу всякого производства, но она на основе изучения специфической формы капиталистического производства приходит к заключению о своеобразных свойствах этой границы при капитализме, сливающем воедино личное потребление и потребление вещных элементов производственного процесса; вследствие этого вышеуказанные границы ускользают от взгляда капиталистического производства, теряют самостоятельность и расплываются в общей, живущей в душе капиталиста (пусть неосознанно) категории производительного потребления. Совершенно не случайность, что глубокий Рикардо и плоский Сэй, каждый по своим способностям и разумению, но оба с равной убежденностью, отрицали наличие неразрешимых затруднений для капиталистической реализации. Джемс Милль, которого Маркс считает автором положения о „метафизическом равновесии покупок и продаж", принадлежит к той же группе теоретиков капитализма, ослепленных его формой.

Во-вторых, когда Маркс критикует Рикардо и ругает Сэя, он это делает не за то, что те принимали в своих построениях тезис о производстве, одним своим существованием создающем спрос. Маркс ополчался против буржуазной узости этих построений, лишенных понимания даже элементарного противоречия капитализма, противоречия товарной формы. Между тем капитализм содержит в себе еще другое противоречие — противоречие наемного труда. Этому последнему, сводящему, как мы видели—потребление рабочего населения к производительному потреблению, соответствует такой взгляд на личное потребление, который аналогичен отношению капиталиста к прочим видам производственного потребления. Экономия на заработной плате, т. е. всемерное сокращение потребления рабочего класса, диктуется капиталисту условиями конкуренции. Но эта же экономия суживает базу обще-

ственного потребления, для которой работает (объективно) общественный производственный механизм. Закон, по которому расширенное производство создает себе расширенный рынок, приобретает, таким образом, весьма солидное ограничение. Тенденция капиталистического производства к безграничному расширению сталкивается с тенденцией общественного потребления к относительному сокращению. „Отсюда кризисы", кончает Маркс главу, излагающую настоящую теорию капиталистического рынка... [1])

Нам кажется, что лучше всего марксова теория капиталистического рынка формулируется выражением „узкий базис потребления". Двух моментов необходимо и достаточно, чтобы исчерпать эту теорию; это во-первых—самостоятельная, „без внимания к границам рынка", способность капитала к расширению [2]) и, во вторых, медленно растущий платежеспособный спрос главной (почти всей) массы населения, потребление которого замкнуто в рамки заработной платы [3]). Теория Маркса, таким образом, далека от пресловутых теорий „недопотребления", сводивших по существу, всю систему капитализма к экспроприации капиталистами у рабочего класса его прибавочного продукта. Экспроприацию прибавочного продукта мы находим во всех антагонистических обществах древности, средневековья и крепостничества. Однако в этих общественных формациях „недопотребление" на-

---

[1]) „Капитал", III, I, стр. 249.—Ср. следующее место из 2 й части III т.: „Последней причиной всех действительных кризисов остается все же бедность и ограниченность потребления масс по сравнению с тенденцией капиталистического производства развивать производительные силы с такой интенсивностью, как будто их границей является лишь абсолютная потребительная способность общества" (Стр. 22).

[2]) „Накопл. капитала и криз.", стр. 55.—Сравни там же: „рынок и производство безразличны друг к другу" (стр. 58); также: „границей пр-ва является прибыль капиталистов, но отнюдь не потребность производителей", (стр. 61), а также абзац о Рикардо на стр. 54.—Ср. также из I тома „Кап.". „Накопление ради накопления, производство ради производства,—этой формулой классическая политическая экономия выразила историческое призвание буржуазного периода" (стр. 51).

[3]) Кроме обычно цитируемых мест из 15-ой гл. III т. „Капитала", сюда относится несколько мест из „Теории прибав. ценности". Обращаем особое внимание на следующее выражение: „Всеобщий закон производства капитала—производить в меру производительных сил, т.-е. в меру возможности эксплоатировать с данным количеством капитала возможно большую массу труда, без внимания к существующим границам рынка и платежеспособных потребностей и осуществлять это путем постоянного расширения воспроиз-

родных масс не сужало базу для производства. Оно и понятно: в перечисленных обществах „недопотребление“ эксплоатируемых возмещалось „перепотреблением“ эксплоататоров. „Древние и не думали превращать прибавочный продукт в капитал“... [1]).

Капитализм обладает обоими мыслимыми методами борьбы со своим проклятием—узким базисом потребления. Расходящиеся линии производства и потребления он приводит в соответствие как задержкой зарвавшегося вперед производства, так и расширением рынка до пределов возрастания производства. В качестве первого метода капитализму служат кризисы, в качестве второго—покорение докапиталистических рынков [2]). Эти два метода, которые мы встречаем уже на самой ранней стадии оформившегося капитализма, как это не трудно понять, действуя в проти-

---

водства и накопления, следовательно, путем постоянного превращения дохода в капитал, в то время как с другой стороны—масса производителей остается ограниченной средним уровнем потребностей и должна остаться таковой, согласно тенденции капиталистического производства“, (стр. 68—69). Сравни также стр. 62—63. Из III-го тома приведем следующие места: „Противоречие, если выразить его в самой общей форме, состоит в том, что капиталистическому способу производства присуще стремление к абсолютному развитию производительных сил независимо от стоимости и заключающейся в последней прибавочной стоимости, а также независимо от общественных отношений, при которых происходит капиталистическое производство; тогда как, с другой стороны, его целью является сохранение существующей капитальной стоимости и ее увеличение в возможно большей степени (т.-е. постоянно ускоряющееся возрастание этой стоимости“ (ч. I-ая, стр. 230). Между тем: „...Пределы, в которых только и может происходить сохранение и увеличение капитальной стоимости, основывающееся на экспроприации и обеднении широких масс производителей, эти пределы постоянно вступают поэтому в конфликт с методами производства, которые должен применять капитал ради своих целей и которые направлены к неограниченному увеличению производства,—производству, как самоцели, к безусловному развитию общественной производительной силы труда“ (стр. 231).

[1]) „Нак. кап.“ стр. 62 и ниже: „Если у древних *не было перепроизводства*, то зато у них было *перепотребление* богатых, выродившееся в последние эпохи Греции и Рима в бешеное мотовство“.

[2]) Мы считаем в корне неправильным построение О. Бауэра видящего спасение капитализма в росте населения. Бауэр забывает, что капиталистическое производство не ближе стоит к общественному потреблению, чем чиновник доброго старого времени к публике, для обслуживания которой он был поставлен. В частности, мыслим (при капитализме) и такой случай, когда растущему рабочему населению соответствует *абсолютно* падающая сумма выплачиваемой ему заработной платы. Технический прогресс в отрасли II этому широко содействует.

воположных направлениях, друг друга обусловливают и ограничивают. Некоторые узлы этой взаимозависимости: открытие новых рынков во время высокой конъюнктуры в состоянии отсрочить наступление кризиса; те же новые рынки, открытые после (или во время) кризиса, облегчают и ускоряют его изживание; таким образом, разразившийся кризис усиливает рысканье капиталистов по новым землям с целью присоединения их к своим рыночным владениям. Именно эта связанность двух явлений и послужила причиной того обстоятельства, отмеченного Р. Л., что до Маркса проблема кризисов и проблема некапиталистических рынков сливались в одну проблему — о возможности безграничного приложения капиталов внутри страны [1]), или как, Маркс предпочитал выражаться,—дело сводилось к исследованию вопроса о возможности всеобщего перепроизводства [2]). Каждый экономист разрешал эту „единую" проблему по разному. Рикардо, у которого глубокий и пытливый ум и огромная любовь к истине составляли главные черты научного характера, противоречиво допускал перепроизводство капитала, отрицая в то же время возможность общего товарного перепроизводства [3]). Плоский апологет Сэй, которого природа-мать не одарила ни единым граном творческого сомнения, вообще не видел никакого противоречия и никакой проблемы. Мелко-буржуазный романтик Сисмонди видел все семь смертных грехов человечества в том, что существует хотя бы уже одно *расширение* капиталистического производства и построил скептическую теорию невозможности капиталистического прогресса; в этой теории, впрочем, этическая недопустимость частенько заглушает теоретическую невозможность. Наивно-самодовольный Кирхман, тоже отрицавший безграничное расширение капитализма, услужливо предлагал радостный выход: поменьше технических ухищрений, побольше роскошествования—и все неприятности как рукой сняты. Ротбертус с глубокомыслием консерватора и государственного мужа предлагал законодательное фиксирование нормы прибавочной ценности...

Одной из огромных теоретических заслуг Маркса является освобождение проблемы кризисов от связи с вопросами некапи-

---

[1]) Наиболее рациональная формулировка вопроса у Рикардо.

[2]) Ср. у Р. Л. „Нак. кап.", стр. 145—146, 185 и пр. — Разумеется, поводу, где Р. Л. говорит о „проблеме нак пления", она имеет в виду вопрос о некапиталистических рынках.

[3]) Надо помнить, что Рикардо не знал ни одного действительного промышленного кризиса.

талистических рынков для капитализма. Свою теорию кризисов Маркс строит исключительно на анализе противоречий капиталистической формы: товарно-денежного обращения, обращения капиталов и противоречия капиталистической эксплоатации. Неизбежность и закономерность кризисов устанавливается, исходя из изучения капиталистической формы взаимодействия производства и потребления; период промышленного цикла познается в результате исследования технических условий капиталистического воспроизводства в рассматриваемый историнеский момент [1]). И лишь на теоретической базе „чистого капитализма" Маркс мог вынести свой закон периодичности всеобщего капиталистического перепроизводстве, ибо внешняя торговля [2]), как справедливо полагал Маркс, оказывает лишь возмущающее влияние на нормальное прохождение капиталистического производства по орбите промышленного цикла, не составляя при этом ни причины волнообразности процесса, ни основы его закономерной цикличности. Но тем самым была устранена теоретическая аберрация, переносившая проблему в плоскость внешней среды, якобы предназначенной и единственно могущей служить в качестве основы технического прогресса при капитализме. Теория Маркса говорит: технический прогресс возможен и при чисто капиталистической организации общественного богатства (правда, в нелепой форме насильственного разрушения колоссальных технических богатств, которое должно предшествовать введению новой техники). То, что остается на долю некапиталистических рынков, это ускорение темпа технического развития, а вместе с тем и накопления. Отсутствие докапиталистической среды не означало бы для капитализма ничего большего, чем лишение одного из двух методов преодоления противоречий узкого базиса потребления, но в его распоряжении остался бы второй и основной метод — приспособление производства к общественным потребностям посредством кризисов. Через кризисы и разрушения капитализм мог бы расширять производство и двигать технику и, не опираясь на спрос некапиталистических слоев...

К такому заключению приводит нас рассмотрение капиталистической формы отношения производства и потребления. Но прежде чем закончить о производстве и потреблении, следует

[1]) См. в особенности „Нак. кап. и крит". В общем правильные, на наш взгляд, хотя и однобокие соображения о марксовом понимании кризисов дал тов. Дволайцкий в последней статье.

[2]) В новых изданиях: некапиталистические рынки.

отметить еще другую сторону дела. Поскольку речь заходит о всеобщем и едином капиталистическом обществе, теоретически мыслимом в конце капиталистической эволюции [1]), исследователь не вправе закрывать глаза на процессы организационного и регуляторного совершенствования, сопровождающие эту эволюцию. Нам довелось уже раз столкнуться с подобным игнорированием одного из важнейших элементов капиталистического развития со стороны Р. Л. Нам придется еще раз подойти к этой стороне вопроса, теперь—правда—в более общей форме.

В известном смысле, вся капиталистическая история может быть рассматриваема, как история борьбы капитализма с присущим ему узким базисом потребления. Каждый этап этой борьбы пользуется теми или иными организационно-экономическими формами, история которых—с этой точки зрения — представляет перманентную трансформацию в процессе взаимодействия, с одной стороны, растущего и технически совершенствующегося общественного производства на базе прогрессирующих потребностей, с другой стороны, — условий реализаций, т.-е. условий развития и формирования самих этих потребностей. Так, в самую раннюю пору капитализма мы находим выдающуюся роль оптовой торговли, организационные формы и персонажи которой в общем и целом даются капитализму готовыми из эпохи торгового капитала [2]). Углубление торговых связей, приносимое возникновением устойчивого—по роду товаров и территориально-мирового обмена, а также все большее вовлечение населения в круг капиталистического производства, порождает товарную биржу с срочной торговлей, которая является колосальным шагом вперед по сравнению с оптовой (посреднической) торговлей

---

1) Р. Л. с полным правом возмущена критикой О. Бауэра, ad hoc приписавшего ей рассмотрение „изолированного капиталистического общества". См. „Эпигоны", гл. II и III.

2) В этом отношении интересны следующие цифры о распределении национального дохода Великобритании в начале и к концу промышленного переворота (в милл. ф. ст.).

Годы.	Весь нац. доход.	В том числе: на долю пром.	на долю торг.
1770 . .	119,5	27	10
1812 . .	430,5	44.4	77,9

(Бер. „Ист. соц. в Англии, ч. I. Гиз., 1923 г., стр. 45—46). Так. обр. непосредственно от промышленной революции торговля выиграла несравненно больше, нежели промышленность: ее доля выросла почти в 8 раз против полуторного возрастания доли промышленного капитала.

в деле регулирования сбыта, т.-е. в деле слаживания условий производства и условий реализации. Но капитализм развивается. Товарная биржа, служившая на одной ступени рычагом экономической концентрации, превращается на более высокой ступени в тормаз роста производительных сил, становится, след., сначала излишней, а затем и вредной. Германский биржевой закон 1896 г. отчасти упраздняет ее, отчасти ограничивает. В XX-ый век капитализм вступает с капиталистическими объединениями, которые в биржах не нуждаются для реализации своей продукции. Но и сами капиталистические объединения, выросшие из современной технической базы производства и из изменившихся условий сбыта, представляют новейший метод борьбы капитализма с присущим ему от природы узким базисом потребления: известно, что толчком к объединениям является задача организации сбыта, синдицирования производства с рынками, неимоверно усложнившаяся в наше время. Капиталистические монополии, сращивающиеся с банками, составляют высшее достижение современного капитализма в этом направлении...

Можно ли, спрашивается, при рассмотрении того или иного элемента капиталистической эволюции абстрагироваться от качественно-различных форм проявления этого элемента на разных стадиях экономического развития и свести, так. обр., весь вопрос к голому количественному нарастанию рассматриваемого элемента? Конечно, нельзя. Подобное рассмотрение означало бы сведение экономической эволюции к чисто-механическому движению, означало бы забвение прописных истин диалектического закона о действенном взаимоотношении количества и качества. Между тем, способ рассуждения Р. Л. в вопросе о производстве и потреблении напоминает такое, в корне ошибочное, рассмотрение. Капитализм питается некапиталистическим спросом — верно; победное шествие капитализма означает утончение некапиталистической оболочки, его окружающей и его питающей — верно; следовательно, когда весь докапиталистический белок яичка будет съеден, когда придет время чистого капитализма, капитализм должен будет погибнуть—почему так? В этой логической цепи из процесса вытравлена живая жизнь, которая заменена бессодержательно-скучным схематическим рассуждением. Что значит „капитализм"—погибнет? Какой капитализм? Абстрактного капитализма жизнь не знает, капитализм имеет различные организационно-экономические формы в начале XIX в. и в середине XIX в., в период национальных войн и перед империа-

листической войной. Если бы, примерно, в первой половине прошлого столетия, вокруг и внутри капиталистической Англии пропахались бы в землю все некапиталистические потребители ее продукции, то весьма вероятно, что капиталистам Англии очень скоро наступил бы конец. В обстановке колоссальной распыленности капиталов, а следовательно, до крайности слепой и перепутанной конкуренции, в условиях громадного удельного веса непроизводительного торгового капитала, требующего для себя, однако, полной прибыли—капитализм того времени, весьма вероятно, не оказался бы в силах справиться с участившимися и углубившимися, вследствие закрытия выхода в некапиталистическую среду, кризисами. Но еще Маркс установил закон концентрации и централизации капиталов и научно формулировал положение о противоположном направлении развития купеческого капитала и развития капиталистического производства [1]). Что же сказать в настоящее время, когда обе эти тенденции зашли до статочно далеко? Ведь если мы берем, как это делает Р. Л., конечный (в ее представлении) пункт капиталистического развития, когда некапиталистических рынков больше не будет, то нельзя же представить на этом конечном пункте капиталистической линии организационно-экономические формы времен английского промышленного капитализма. Гильфердинг совершенно правильно изобразил экономический предел концентрации и цевтрализации капиталов. „Возникает вопрос, где же, собственно, лежат границы картелирования. И ответить на этот вопрос приходится так, что не существует абсолютной границы для картелирования. Наблюдается, напротив, тенденция к постоянному распространению картелирования. Независимые отрасли, как мы видели, попадают все в большую зависимость от картелированных и, в конце концов присоединяются ими. В результате этого процесса должен был бы получиться *всеобщий картель*. Здесь все капиталистическое производство сознательно регулировалось бы из одной инстанции, которая определяет размер производства во всех его сферах... Вместе с анархией производства исчезает вещная видимость, исчезает товар в качестве овеществленной стоимости, исчезают, следовательно, деньги. Картель распределяет продукт. Материальные элементы производства воспроизводятся и входят в новый процесс производства. Из нового продукта известная

[1]) См. главу „К истории купеч. капитала" в III томе „Капитала", ч. I-ая. Также Гильфердинг „Финанс. капитал", гл. IV. („Капит. монополия и торговля").

часть достается рабочему классу и интеллигентам, другая остается у картеля, и он может употреблять ее на что угодно. Это—сознательно регулируемое общество в антагонистической форме. На этот антагонизм есть антагонизм распределения. Самое распределение здесь сознательно урегулировано, и потому необходимость денег миновала". („Фин. кап.", стр. 346, изд. 1918 года).

Очевидно, такому „натуральному" капитализму не страшны будут никакие узкие базисы потребления. Мы не хотим этим, однако, сказать ничего другого, кроме того, что затруднения, вырастающие перед капитализмом при его победном шествии по пути покорения и ассимилирования некапиталистических стран земного шара, в значительной мере находят себе разрешение в параллельно идущем „обобществлении" капиталистического производства. Что касается темпа обеих эволюций, то вряд ли кто станет оспаривать, что современная история капитализма показывает значительно большую быстроту для второго процесса, чем еще раз подтверждается безжизненность схематичного построения Р. Л. о невозможности чистого капитализма [1]).

III.

Роза Люксембург и ее сторонники видят, как известно, в тезисе о невозможности накопления в чисто-капиталистическом обществе богатый теоретико-познавательный метод, применение которого дает понимание не одного явления капиталистической динамики. Таких явлений насчитывают целых три: кризисы, империализм, неизбежность гибели капитализма. Остановимся (вкратце) на этой стороне работы Р. Л., хотя—поскольку мы считаем ее теорию ошибочной—мы могли бы и не заниматься рассмотрением того познавательного значения, которое сторонники этой теории ей приписывают.

О кризисах мы уже говорили. Из того, что было сказано выше, видно, что от Р. Л. ускользнул смысл той эволюции, которую претерпело понимание кризисов на протяжении истории экономической науки. Значение проведенного Марксом отделения теории кризисов от вопросов некапиталистических потребителей, а также теоретические этапы, приведшие к марксову объяснению кризисов, остались для Р. Л. книгой за семью печатями. С искрен-

[1]) „Границей производства является прибыль капиталистов" (Маркс Между тем колоссальный рост техники создает соответствующий рост относительной прибавочной ценности.

ним недоумением спрашивает она: „Как производство могло-бы вырасти за пределы рынка, раз оно само для себя является рынком, раз рынок постоянно сам по себе автоматически возрастает и притом с такой же скоростью, как и производство? Другими словами, как капиталистическое производство могло бы периодически перерастать свои собственные границы“... Или несколькими строками выше: „Если капиталистическое производство является само для себя неограниченным покупателем, т.-е. если производство и рынок сбыта идентичны, то кризисы, как периодическое явление, совершенно необъяснимы“ [1]). Мы видим, что мысль Р. Л. бьется в тисках неопределенных, критически непроанализированных понятий, что ей не хватает четкого представления о сущности капиталистического рынка, о сущности „собственных границ капиталистического производства“, что для нее, одним словом, неясны основные вопросы взаимоотношения производства и потребления в капиталистическом обществе. Поскольку все эти моменты уже рассмотрены нами, мы можем к ним больше не возвращаться.

В объяснении империализма, выдвигаемом Р. Л. (а не следует забывать, что рассматриваемая теория невозможности накопления в чисто-капиталистическом обществе, в сущности, и предназначалась автором для „экономического объяснения империализма“), мы находим две ошибки. Первая: специфическая характеристика одного этапа капиталистического развития потоплена в общих определениях капитализма. Вторая: сами эти общие определения даны неправильно.

Что касается первой ошибки, то о ней говорили все критики [2]). Р. Л. дает следующее определение империализма: „Империализм является политическим выражением процесса накопления капитала в его конкурентной борьбе за остатки некапиталистической мировой среды, на которую никто еще не наложил своей руки. Географически эта среда охватывает еще обширнейшие пространства земной поверхности. Но по сравнению с колоссальной массой уже накопленного капитала старых капиталистических стран,—капитала, который борется за возможность сбыта своего прибавочного продукта и капитализации своей прибавочной сто-

[1]) „Эпигоны“, стр. 33.—Видит ли Р. Л., что здесь она ставит крест над теорией промышленного цикла Маркса?.. Ср. верные замечания тов. Дволайцкого в последней статье.

[2]) См., напр., первую статью т. Дволайцкого в № 1 „Красной Ноши“.

имости, по сравнению с той быстротой, с которой области докапиталистической культуры превращаются в настоящее время в капиталистические страны, другими словами, по сравнению с достигнутой уже высотой развития производительных сил капитала, оставшееся еще для его экспансии поле деятельности оказывается незначительным. Соответственно с этим и определяется характер международного движения капитала на мировой арене. При высоком развитии и все усиливающейся конкуренции между капиталистическими странами за приобретение некапиталистических областей растет энергия империализма, и обостряются применяемые ими методы насилия. Это сказывается как в его агрессивных выступлениях против некапиталистического мира, так и в обострении противоречий между конкурирующими капиталистическими странами". („Нак. кап.", стр. 320). Подобное понимание империализма (как это, впрочем, не раз указывалось) чрезвычайно близко стоит к теории Каутского об отношениях индустриальных и аграрных стран. Постольку оно разбивается той же аргументацией и тем же сопоставлением с реальными капиталистическими отношениями, что и теория Каутского (см., напр., „Империализм" Ленина)... Но приведенное определение, по крайней мере,—ясно, недвусмысленно и последовательно, чего совершенно нельзя сказать о разъяснениях тов. Мотылева, который, как подобает „буферщу", пытается примирить теорию Р. Л. с Гильфердингом, Лениным, Бухариным. „Хотя капитализм,—пишет он,—характеризуется экспансией и на других ступенях развития, но лишь при определенных условиях это количественное накопление экспансии переходит в качество, и она становится в такой мере определяющей силой капиталистического развития, что трансформирует капитализм в империализм (до сих пор у т. Мотылева курсив). Каковы же эти условия? Условия эти обстоятельно выяснены Гильфердингом, Лениным, Бухариным. Но теория накопления Р. Л. в ее положительной части значительно дополняет развитое ими освещение империализма, дает возможность сведения ряда условий к монистическому основанию" („Вестник Соцакадемии", кн. 4, стр. 165). Что же, в конце концов, лежит в основе империализма? „Количественное накопление экспансии" или монополистический капитализм Ленина? Какой из двух „факторов" считать основным, определяющим и какой дополнительным или, по крайней мере, производным? Из расплывчатых фраз т. Мотылева этого понять невозможно. Р. Л. оказалась здесь несравненно логичнее своего ученика: она

прямо говорит: „Рассмотрение картелей и трестов, как специфического явления империалистической фазы на почве внутренней конкурентной борьбы между отдельными капиталистическими группами из-за монополизации наличных областей накопления и из-за разделения прибыли, лежит вне рамок этой работы". („Накопление капитала", стр. 328, сноска). Для нее, следовательно, определяющим моментом является борьба за остатки некапиталистических рынков... [1]) Но справедливо указал Гильфердинг: „... Характерную особенность „современного" капитализма представляют те процессы концентрации, которые обнаруживаются, с одной стороны, в „уничтожении свободной конкуренции" посредством образования картелей и трестов, а с другой стороны, во все более тесной связи между банковым капиталом и промышленным капиталом. Благодаря этой связи капитал принимает форму финансового капитала, представляющего наивысшую и наиболее абстрактную форму проявления капитала... Анализ становится тем более необходимым, что при быстром росте и все усиливающемся влиянии, которое оказывает финансовый капитал в теперешней фазе капитализма, без познания законов и функций финансового капитала делается невозможным понимание тенденций в развитии современного хозяйства, а вместе с тем невозможна и вообще научная экономия и политика". („Фин. кап.", предисловие) [2]).

Оставим, однако, цитаты и перейдем ко второй ошибке, заключающейся в объяснении империализма Р. Л.. Мы имеем в виду ту теорию образования капиталистического мирового хозяйства, которая выводится Р. Л. из тезиса о невозможности накопления в чисто капиталистическом обществе и которою Р. Л., как мы видели, заменила теорию империализма. Р. Л. пишет:

> „Если капиталистическое производство само для себя образует достаточный рынок и допускает расширение за счет всей накопленной прибавочной ценности, то становится *излишним* еще другое явление современного развития: стремительность в погоне за отдаленнейшими рынками сбыта и

---

[1]) См. также „Эпигоны", 105.

[2]) О различии целей и содержания колониальной политики капитализма в разные эпохи марксисты довольно писали. См., например, у тов. Павловича „Борьба за пути будущего", часть 1-я, стр. 7 и 12; также Ленин. „Империализм", стр. 70; также Геллер „Профсоюзы на Востоке" (доклад II-му Конгрессу Профинтерна), стр. 4 и 7.

вывозом капитала, т.-е наиболее яркие явления современного империализма. В самом деле, зачем весь этот шум? К чему завоевания колоний, война из-за опия в сороковых и шестидесятых годах и к чему, наконец, современная драка из за болот Конго и Месопотамских пустынь? Ведь капитал может остаться и у себя дома и добросовестно питаться. Ведь Крупп охотно производит для Тиссена, Тиссен для Круппа; пусть бы они и вкладывали свои капиталы в собственные предприятия и расширяли их друг для друга, и так без конца. *Историческое движение капитала становится попросту непонятным*, а вместе с этим становится непонятным и современный империализм" („Эпигоны", 35, курс. наш).

Но поближе к реальным капиталистическим процессам! Давайте вложим реальное содержание в то „историческое движение капитала", о котором говорит Р. Л.

Реальное движение общественного хозяйства, организованного по-капиталистически, есть совокупное движение индивидуальных капиталов. Вот почему движущий механизм капиталистического общественного производства следует искать среди тех элементов капиталистической системы, в которых объективируются интерес и хозяйственный мотив (употребляя выражение Зомбарта) капиталистического производителя. Проблема тем самым упирается *в вопросы прибыли*, это с одной стороны. С другой стороны, историческое содержание капиталистического развития—это создание мирового хозяйства. Последнее капитализм совершает посредством вовлечения в круг своих рынков натуральных формаций отсталых стран, т.-е. посредством разложения и товаризации этих стран, а затем—и это уже второй этап, идущий, впрочем, параллельно первому и с ним неразрывно сплетающийся—путем внедрения капиталистического способа производства во вновь покоренных странах. В сущности, в этом объединении всего земного шара в целостный хозяйственный организм, в приобщении к человеческому прогрессу отсталых частей человечества, заключается историческая миссия капитализма, который должен с колоссальной широтой и интенсивностью развивать всевозможные виды научного использования производительных сил земли, не считаясь при этом с самим человеком, далекий от задачи подъема его материальной и духовной жизни, интересуясь последней лишь постольку, поскольку она составляет условие еще более стремительного технического прогресса.

Таким образом, задача теоретического объяснения экспансии капитала,—или, другими словами, содержание общей теории образования капиталистического мирового хозяйства,—приобретает следующий смысл: требуется доказать, что интересы прибыли гонят капитал в некапиталистические страны. Из вышеприведенных слов Р. Л. видно, что она считает действительным только один путь доказательства: признание невозможности получения прибыли внутри капиталистической системы. Но старая логика учит: не следует общо-утвердительное положение оспаривать обще-отрицательным; гораздо вернее пользоваться для этой цели частно-отрицательным положением. В самом деле: чтобы объяснить стремление капитала в некапиталистическую среду, достаточно доказать, что в последней капиталист реализует *большую прибыль, чем у себя дома.* А это положение вытекает из того анализа капиталистического производства, который дан Марксом в первом томе и в первых трех отделах третьего тома „Капитала". Неразвитость меновых отношений и примитивная техника промышленности в некапиталистической стране, допускающие продажу привозимых товаров по чрезвычайно высоким ценам, дешевизна дикого и экстенсивно-возделываемого растительного сырья и топлива, представляющие сказочно-выгодные возможности пользования дешевыми элементами постоянного капитала, наконец, вдобавок к перечисленному, низкая цена рабочей силы и отсутствие земельной ренты, открывающие блестящие перспективы для промышленного приложения капитала в отсталых странах—все это создает капиталисту, имеющему дело с некапиталистической сферой, колоссальные добавочные прибыли [1]). А если прибавить к этому и—last not least—те огромные ростовщические и просто грабительские „барыши", которые капиталисты выкалачивают из своих колоний и полуколоний, применяя методы внеэкономического принуждения, то проблема экспансии капитализма сразу лишится всей своей загадочности [2]).

---

[1]) Тов. Варга придает большое значение для современного капитализма еще тому обстоятельству, что „вывоз накопленного в стране капитала задерживает увеличение количества производимых в стране продуктов, и т. обр., облегчает картелям удержание искусственно высоких цен" („Мировое хозяйство", стр. 23).

[2]) На втором конгрессе Профинтерна т. Геллер, докладывая по вопросу о профсоюзах на Востоке, рассказывал: „За 1919 и 1920 г. г. целый ряд крупных текстильных предприятий в Индии (Альбион Милльс, Альянс Милльс, Эмпайр Милльс, Индия Милльс и др.) выдавали дивиденды в 120, 150, 200 %%".

Старая логика права, когда не советует прибегать к общео т-рицательному положению для опровержения общеположительного. Про людей, забывающих эту хорошую мудрость, говорят, что они частенько доказывают кое-что лишнее. Лишнее, т.-е. непужное, неверное, противоречащее жизни доказывает и Р. Л., когда связывает объяснение капиталистической экспансии с невозможностью накопления в чистом капиталистическом обществе. Жизнь и здесь не принимает ее схематического построения, и, быть может, самое поучительное представляют те главы большой книги Р. Л., в которых описываются реальные условия истори ческого процесса накопления. Капиталистической действительности чужды в высшей степени неопределенные границы, долженствующие—по теории Р. Л.—отделять область возможности накопления от того момента, когда накопление уже больше невозможно. Сама постановка вопроса надумана, ибо накопление ста новится невозможным, когда прибыль равна нулю, но ни один капиталист не только не станет ждать этого момента, дабы, убедившись в невозможности дальнейшего накопления в капиталистической сфере, кинуться для спасения своего дела и своей души к докапитализму,—напротив того, всякий капиталист, не дожидаясь падения нормы прибыли у себя дома (даже в случае ее повышения, т.-е. широкой возможности накопления!), предпочтет однако, торговать с колонией, если эта торговля сулит большие барыши, нежели домашняя. И Р. Л., несмотря на все усилия втиснуть жизнь в рамки своей схемы, при объяснении целого ряда описываемых ею фактических и теоретически-мыслимых явлений, находит последнее теоретическое прибежище под сенью высоких прибылей, доставляемых капитализму докапиталистической средой [1]).

Но жизнь временами громко кричит против построения Р. Л. Как, например, понять с точки зрения этого построения обычные

в один концерн (Хуган Мильс) умудрился выдать даже 400%. Еще выше доходность джутовых предприятий" („Профсоюзы на Востоке". Москва. 1923 г., стр. 7).

[1]) Любопытно: построив всю критическую работу на анализе возможности *реализации прибавочной ценности*, Р. Л. в одной из последних глав вдруг вспоминает о вопросах сырья для капиталистического производства, выдвигает новую проблему, которую капитализм должен разрешать с помощью некапиталистической среды, и, наконец, сама отметает поднятый ею вопрос: „по существу, для капиталистического производства годились бы, напр., и капиталистически обрабатываемые каучуковые плантации". Р. Л. и здесь обнаружила несравненно больше теоретической чистоты, чем тов. Мотылев.

для современной капиталистической страны ввоз и вывоз одного и того же товара? Германия, напр., вывозит 34 милл. больших тонн угля и ввозит $10^1/_3$ милл. тонн, т.-е. третью часть своего вывоза. Соединенные Штаты вывозят 1 милл. больших тонн железной руды и ввозят $2^1/_2$ милл. тонн. (цифры довоенные) и т. д...

Так скажем же вместе с Марксом: „Если капитал посылается за границу, то это происходит не потому, что он абсолютно не мог бы найти применение внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли" („Капитал", том III, часть 1-я, стр. 237) [1]).

Нам осталось отметить третье практическое приложение, которое Р. Л. придает своему тезису о невозможности накопления при чистом капитализме,—обоснование неизбежности социализма. Надеемся, читатель не посетует за следующую, длинную, но за редкость блестящую выписку из ее „Эпигонов", в которой аргументация развернута наиболее четко и ярко.

> „Накопление капитала прогрессирует и расширяется за счет некапиталистических слоев и стран; оно разъедает и вытесняет их со все ускоряющимся темпом. Всеобщей тенденцией и конечным результатом этого процесса является исключительное мировое господство капиталистического производства. Если это состояние достигнуто, то вступает в силу марксова схема: накопление, т.-е. дальнейшая экспансия капитала, становится невозможным, капитализм попадает в тупик, он не может больше функционировать в качестве исторического двигателя развития производительных сил, но достигает своей объективной экономической границы. Противоречие марксовой схемы накопления, в диалектическом смысле, является лишь противоречием *между стремлением капитала к безграничной экспансии и тем пределом, которые он сам себе ставит путем все прогрессирующего разрушения всех других форм производства*; это—противоречие между могущественными производительными силами, которые он в процессе своего накопления пробуждает во всем мире, и тем

[1]) С большим чутьем жизни подошел к проблеме Ленин во введении к „Развитию капитализма в России". Вопросы внешней торговли—это вопросы исторического развития и конкретных фактических отношений *данной* страны *в данную* эпоху. Рассматривая конкретные условия и этапы развития отдельных отраслей капиталистического хозяйства, мы можем понять направление капиталистической экспансии.

узким базисом, который он сам отводит себе, благодаря законам накопления. Марксова схема накопления, в ее правильном понимании, как раз своей неразрешимостью дает точно поставленный прогноз экономически неизбежной гибели капитализма в результате процесса империалистической экспансии, специальной задачей которого является осуществление предпосылки Маркса, т.-е. установление всеобщего безраздельного господства капитала". („Эпигоны", стр. 104) [1]).

В другом месте Р. Л. называет развитую здесь аргументацию „марксовым обоснованием социализма" (там же, стр. 36). Так ли это?

Но предварительно оговоримся. Мы находим вполне справедливым возмущение Р. Л. той пафетически-ханжеской „критикой", которую дал О. Бауер ее взглядам в этом вопросе. Мы совершенно согласны со следующими словами Р. Л., посвященными Бауэровской „критике": „специально на предмет моего поучения Бауэр... должен был абстрагироваться не только от всего духа и тенденции моего понимания накопления, но и от ясного текста моего изложения". („Эпигоны", стр. 107). Речь ни в малейшей степени не может итти о том, чтобы—как это делает О. Бауэр—обвинить Р. Л. в забвении революционной роли пролетариата при переходе от капитализма к социализму. По меньшей мере поверхностно изображать взгляды Р. Л. в виде наивной теории автоматической гибели капитализма. Р. Л. неоднократно в своей большой книге разъясняет, что невозможность накопления понимается ею как предел капиталистической эволюции, как *тенденция*, которая не должна быть обязательно достигнута капитализмом, но которая означает, что по мере ее осуществления, по мере приближения капитализма к указанному конечному пределу, противоречие капитализма вырастает с колоссальной силой; „история современного капиталистического накопления на мировой арене превращается в непрерывную цепь политических и социальных катастроф и конвульсий, которые вместе с периодическими хозяйственными катастрофами в форме кризисов делают невозможным продолжение накопления; восстание международного рабочего класса против капиталистического господства становится необходимостью еще раньше, чем оно наталкивается на свои естествен-

[1]) См. также „Нак. кап.", стр. 226.

ные, им же самим созданные, экономические перегородки" („Нак. кап.", стр. 336).

Мы подходим к взглядам Р. Л. с иной стороны. Нас интересует: в самом ли деле неизбежность социализма может быть экономически доказана *лишь* с помощью построения Р. Л.? Верно ли, что духу марксовой теоретической системы соответствует именно такое обоснование социализма и что в оставленных Марксом после себя работах не имеется доказательства гибели капитализма? Р. Л. говорит, что вместе с ее теорией стоит и падает всякое научное объяснение необходимости социализма,— права ли она?

При изучении противоречий капиталистической эволюции, Маркс, как известно, обращает свой взгляд на *внутренние* законы капиталистической системы как таковой, безотносительно к конкретной исторической обстановке ее существования. Подвергается анализу капиталистическое производство, капиталистическое распределение, капиталистическое потребление,—и на этой основе выдвигается понимание социальной структуры капиталистического общества как такового, при этом все элементы и явления капиталистического хозяйства изучаются под углом зрения специфических методов и норм взаимодействия и взаимозависимости натурально-технического содержания производственного и распределительного процессов—с одной стороны, и исторически - определенной *формы* (Formbestimmtheit) организации общественной экономики в капиталистической системе—с другой стороны. *Противоречие капитализма*, по Марксу, *это —противоречие наложенного взаимодействия*. А Марксова теория капиталистического развития? *Это—учение о развитии и росте противоречий между капиталистической формой и вещным содержанием общественного производства вместе с развитием и ростом капиталистической системы.* Вот что Маркс пишет о тенденциях капиталистического развития: „Три главных факта капиталистического производства следующие: 1) Концентрация средств производства в немногих руках, вследствие чего они перестают быть собственностью непосредственных рабочих, а, напротив, превращаются в общественные силы производства. Хотя таковыми они становятся сначала, как частная собственность капиталистов. Последние— поверенные буржуазного общества, но они кладут в свой карман все плоды этих отношений товарищества на вере. 2) Организация самого труда, как общественного труда: посредством сотрудничества, разделения труда и сочетания труда с естествознанием.

Как с той, так и с другой стороны капиталистический способ производства уничтожает частную собственность и индивидуальный характер труда, хотя уничтожает в антагонистических формах. 3) Создание мирового рынка. Огромная по сравнению с населением производительная сила, развивающаяся при капиталистическом способе производства, и возрастание капитальных стоимостей (не только их материального субстрата), которые увеличиваются хотя и не в такой пропорции, но все же много быстрее, чем население, противоречат все более суживающейся, по сравнению с ростом богатства, основе, для которой действует эта огромная производительная сила, и условиям увеличения стоимости этого все нарастающего капитала". („Капитал", том III-й, часть 1, стр. 248—249.)

Оболочка капиталистической формы все больше растягивается на натуральном организме стремительно растущих производительных сил; последним все теснее становится в оболочке капиталистической формы; все чаще и дальше рвется оболочка... А в это время капитализм готовит своих могильщиков!..

Нелепо ставить в вину Р. Л., что она указывает объективно-экономический предел капиталистического развития. Она поступает в данном случае в полном согласии с лучшими традициями и духом научного марксизма. Но Р. Л. *неверно* указывает этот предел. Диалектическое нарастание внутренних противоречий капиталистической системы, как таковой, как чистого капитализма, которое вскрыл гениальный анализ Маркса, она подменяет развитием противоречий, возникающих для капиталистической системы в процессе ее общения с докапиталистической средой. Вот почему теория Р. Л. не соответствует духу марксова учения о неизбежности конца капитализма, гораздо мельче его и, представляя шаг назад от Маркса, ничего не может прибавить к научному арсеналу социалистов.

IV.

Скептицизм по отношению к капиталистическому развитию имеет свою большую историю в экономической науке. Вообще говоря, мы его встречаем на двух полюсах капиталистической эволюции: у истока и у заката дней капитализма. Понятно, что на первом полюсе скепсисом проникнуты мелкий буржуа и последние мокигане дворянства. В эпоху крушения капитализма

к недооценке его сил больше всего, естественно, склонна пролетарская теория, которая служит своему классу практическую службу штурмования капиталистических твердынь. Выразителем „раннего" скептицизма истории угодно было сделать гражданина отсталой Швейцарии начала XIX века, в замкнутых стенах которой в патриархальном симбиозе уживались дворянство и городское мещанство,—глубокого мыслителя и человека благородной и впечатлительной души, Симон-де-Сисмонди. Объективными факторами, дававшими пищу классовой неприязни, являлись для Сисмонди: первые капиталистические кризисы, разорение деревни, рост нищеты производительного населения. Что касается политической экономии, то серьезному скептицизму Сисмонди она не могла в то время противопоставить ничего, помимо построений Рикардо, полных противоречий и неразрешимых проблем, или самодовольной и бессодержательной болтовни Сэя. В таких условиях родилось первое систематическое учение о невозможности накопления в капиталистическом обществе. Теоретическое содержание этого учения не могло выйти за пределы достигнутой ступени капиталистической эволюции и незавершенных конструкций политической экономии того времени.

Роза Люксембург была тем человеком, которому суждено было сформулировать теоретический скептицизм пролетариата к силам капиталистического развития. Страстный темперамент борца передовых линий, руководство непосредственной борьбой за сокрушение жестоко-ненавистной капиталистической системы и глубокое возмущение реформистским влиянием эпигонов Маркса на последнем перегоне капиталистической эволюции,— вот субъективные факторы созданной Р. Л. теории. Ее объективной обстановкой является колоссальное обострение противоречий капитализма, проявляющееся в форме империалистической борьбы отдельных капиталистических стран за мировое господство...

Воскресшая через сто лет теория о невозможности капиталистического прогресса без внешней среды не могла, разумеется, ограничиться старым содержанием. Вековое развитие обнаружило несостоятельность исходного положения теории Сисмонди; то, что Сисмонди считал сужением капиталистического рынка—разорение крестьянства — показало себя, как совершенно обратный процесс, а именно как *создание рынка* для капитализма. Сисмонди видел одностороннее разорение, в действительности же развитие представляло двустороннюю поляризацию. Вторая отправная

точка Сисмонди—сокращение рынка вследствие введения машин—была точно так же опровергнута экономическим развитием, возмещавшим падение личного потребления рабочего населения все ускоряющимся ростом производительного потребления машин и проч. К тому же, результаты хозяйственной эволюции приобретали теоретическую фиксацию в экономической науке, которая завершилась марксовой системой.

Все это не могло не сказаться на содержании теории Р. Л., которая (теория) по построению и по аргументации значительно разнится от своей мелко-буржуазной праматери. Если для Сисмонди вопрос вертелся вокруг внешней торговли, которая представлялась ему необходимым условием капитализма, ведущего собственную страну к обнищанию, то Р. Л. роет глубже: с ее точки зрения совершенно одинаковы заграничная и домашняя некапиталистическая среда; ставя проблему в плоскость взаимодействия капитализма и докапитализма, она предлагает даже пересмотреть понятия внутренней и внешней капиталистической торговли. Если у Сисмонди проблема имела иррациональную подкладку „доходов", то-есть представляла, по существу (и вполне в духе незрелой экономической мысли), проблему капиталистического *распределения*, то Р. Л., положив в основу своей теории марксово учение о капиталистическом *производстве*, представила вопрос в научной форме воспроизводства *капиталов*. Если над построением Сисмонди тяготеет мещански-дворянское противопоставление капиталистического интереса национальному благосостоянию капиталистической страны, то марксов анализ производства и обращения общественного капитала дал Р. Л. верную ориентировку в вопросах взаимоотношения единичного и общественного капиталистического хозяйства. Если у Сисмонди вопрос неопределенно и примитивно формулировался в виде общего положения о невозможности реализации сверх-стоимости в капиталистической стране, то Р. Л., на основе второго тома „Капитала", уточнила проблему, разграничив три случая: простого воспроизводства, расширенного воспроизводства при неизменной технике и расширенного воспроизводства при прогрессирующей технике. И т. д.

То обстоятельство, что оружием скептической теории о невозможности чистого капитализма пользовались представители различных социальных слоев в различное время, должно было придать различные субъективные тона самой теории. Консервативному, ушедшему в себя и дышавшему порой пессимизмом,

романтизму Сисмонди противостоит кипучий, полнокровный, штурмующий и безраветно верящий в успех своего классового дела революционный романтизм Красной Розы. Но романтизм революционера—все же романтизм. По выражению Розы Люксембург, она свою теорию купила ценою „критического расхождения" с Марксом; в самом деле, как мы видели, только через непонимание марксова анализа воспроизводства во втором томе „Капитала" и марксова учения о капиталистическом потреблении (рынка) и через игнорирование (для диалектика недопустимое) трансформационных процессов организационно-хозяйственной системы капитализма Р. Л. могла в XX веке прийти к романтической теории невозможности чистого капитализма. Но пролетариату, ведущему „решительный бой" с капитализмом, не пригодна романтическая теория. Ни грана самообольщения! Мы должны учитывать и помнить в нашей борьбе те неслыханно-эластичные возможности, которыми обладает (и которые в себе неустанно вырабатывает!) капиталистическая система в период заката как в области своего экономического остова (современные объединения, монополии, банки, акционерные общества), так и в области своей социально-политической структуры (загнивание рабочего движения и II Интернационал, „демократизация" капитала в форме акционерных обществ, внешнее благополучие мелкого „самостоятельного" производителя, всякие виды кооперации, сберегательные кассы и проч.; государственная власть, буржуазная идеология и т. д. и т. п.). Взгляд рабочего класса, а значит и программа его партии, должны быть свободны от увлечения теориями о механической гибели капитализма... Этим мы отвечаем на вопрос тов. Тальгеймера.

Два вклада дала, на наш взгляд, марксистскому учению о капитализме большая и серьезная теоретическая работа Р. Л.

Первое.—Вопрос о капиталистическом развитии поставлен в плоскость отношения производства и рынка. Такая постановка дает возможность теоретического сопоставления условий, характеризующих накопление, происходящее при общении с некапиталистическими потребителями, с условиями накопления при чистом капитализме. Различие, как мы видели, получается вследствие того, что привлечение некапиталистической среды служит капитализму, между прочим, одним из двух теоретически-мыслимых методов соблюдения равновесия между производством и

потреблением, а именно — средством приговки рынка до размеров неудержно растущего производства. Проблема регулирования общественного производства при чистом капитализме, лишенном этого метода, таким образом, чрезвычайно усложняется. Единственный, остающийся в распоряжении капиталистической системы метод борьбы с узким базисом потребления—кризисы, функция которых в насильственной задержке слепо-стремящегося вперед производства,—несет с собой материальные разрушения и обнажение капиталистических противоречий [1]). Тем самым безопасность (значит успешность) регулирующей работы чисто капиталистической системы оказывается, в значительной мере, в зависимости от достижений организационно-хозяйственной эволюции капитализма.

Сама Р. Л., как мы видели, ошибочно решила поставленную ею проблему. Некапиталистической среде она придавала неизмеримо большее значение, чем она в действительности имеет для накопления капитала. Орудие приспособления рынка к производству было Р. Л. истолковано в качестве conditio sine qua non капиталистического прогресса.

Второе.—На явления положительной политики—наиболее характерной черты империалистической стадии капитализма—Р. Л. взглянула со стороны необычной для патентованных истолкователей марксизма, теоретический авторитет которых тяготеет над умами немалого числа даже наиболее сознательных коммунистов. Те самые явления, в которых бесхарактерный (а порой вполне

---

[1]) Это „зерно истины" теории Р. Л. Отто Бауэр понимал, хотя представил его в туманной и нелепой форме „границ накопления" и „изолированном капиталистическом обществе", — см. его статью „В основных проблемах политэкономии". — Впрочем, еще Гильфердинг в „Фин. кап." подчеркивает то колоссальное обострение противоречий капитализма, которое несет с собой „замедление столь быстрого теперь открытия *чужих* стран для капитализма. Открытие Дальнего Востока, стремительное развитие Канады, Южной Африки и Южной Америки сыграли главную роль в том явлении, что развитие капитализма совершалось столь головокружительно быстро и прерывалось с 1895 года лишь короткими периодами депрессии. Но когда развитие это замедлится, давление картелей на внутренний рынок проявится с тем большею остротой: ведь концентрация с наибольшею быстротой совершается как раз в период депрессии. В то же время, с замедлением темпа расширения мирового рынка, еще больше обострится антагонизм между капиталистическими нациями, борющимися за свою долю на мировом рынке: и это в еще большей степени, если крупные рынки, открытые теперь для конкуренции, распространением протекционизма, напр., на Англию, будут закрыты для конкуренции других стран".

определенного буржуазного характера) реформист из II Интернационала в лучшем случае видел лишь более высокую ступень конкурентной борьбы капиталистических групп, в которой объектом борьбы стали колонии и полуколонии,—в этих явлениях Краспая Роза сумела открыть и показать другую сторону, а именно: для этой более развитой конкуренции существенны неимоверные размеры, до которых вырастает грабеж и разорение некапиталистических стран, насильственно втягиваемых под колеса капиталистической колесницы. Эту часть работы Р. Л. невозможно переоценить. Р. Л. пишет: „Экспансия в своем мировом натиске приводит к столкновению между капиталом и докапиталистическими общественными формами. Отсюда—насилие, война, революция, словом, катастрофа, которая составляет жизненный элемент капитализма от начала до конца". Это теоретическое *обобщение* учения о методах первоначального накопления на всю историю капитализма—мы считаем большим завоеванием для революционной теории. „Пропитанный насквозь буржуазной культурой, возглавляемый кучкой политиканов, II Интернационал не оценил всей важности колониального вопроса. Для него мир пне Европы не существовал. Необходимость координации революционного движения в Европе и в странах других материков для него не была очевидна. Вместо того, чтобы оказывать материальную и моральную помощь революционному движению в колониях, члены II Интернационала сами сделались империалистами" (На тезисов II конгресса Коминтерна по колониальному вопросу). Коминтерн, делающий и готовящий мировую революцию, не может и не желает, подобно занимавшемуся болтовней II Интернационалу, обходить эту сторону современной колониальной политики. „Отделение колоний и пролетарская революция у себя дома свергнет капиталистический строй в Европе. Следовательно, Коммунистический Интернационал должен расширить сферу своей деятельности. Коммунистический Интернационал должен находиться в тесном контакте с теми революционными силами, которые в настоящий момент принимают участие в деле свержения империализма в политически и экономически угнетенных странах. Для полного успеха мировой революции, необходимо совместное действие этих двух сил" (Там же). Для теоретического обоснования нашей колониальной программы чрезвычайно ценен тот подход к современной колониальной политике капиталистических стран, который теоретически развит в дышащих огнем последних главах книги Р. Л. и который рассматривает ее (колониальную

политику) не только со стороны взаимоотношений капиталистических стран, но и со стороны борьбы капитализма с докапитализмом[1]). Но и здесь Р. Л. только выдвинула вопрос, использовать же и развернуть его в надлежащем смысле она оказалась не в состоянии (она не интересовалась даже революционным движением в докапиталистических странах), будучи отвлечена и подавлена своей механической теорией

9 января
Оренбург.

Э. Лейкин.

[1]) Эту сторону книги Р. Л. ее критики - „специалисты", разумеется, не могли заметить.